T 16/22

Г 16
22

МОСКОВСКІЙ

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ СВЯЩ. СИЛЬВЕСТРЪ,

КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Епископа Сергія (Соколова).

МОСКВА.
—
1893.

МОСКОВСКІЙ

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ СВЯЩ. СИЛЬВЕСТРЪ,

КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Епископа Сергія (Соколова).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

Печатано подъ наблюденіемъ Н. А. Бѣлокурова.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

2007059223

Литературно-политическая характеристика и объясненіе отношеній свящ. Сильвестра къ царю Іоанну IV *).

Протоіерей придворнаго собора, пришелецъ изъ великаго Новгорода, овладѣваетъ царемъ и царствомъ, царемъ—чудовищемъ зла, одно имя котораго наводило на всѣхъ ужасъ, царствомъ, только что сплоченнымъ изъ разныхъ удѣловъ, разстроеннымъ 10-ти лѣтнею почти анархіею; цѣлые 13 лѣтъ (съ 1547—60 г.) заправляетъ царемъ и царствомъ, становится геніемъ, ангеломъ-хранителемъ царя и возводитъ царство на высоту, какой оно не достигало въ теченіе всей предшествовавшей исторической жизни. Явленіе безпримѣрное въ нашей исторіи! По одному этому Сильвестръ—великая нравственная политическая сила. Но во всей своей славной дѣятельности онъ старался держаться въ тѣни, вдали отъ своего державнаго повелителя, предоставляя во всемъ честь самому царю, разнымъ соборамъ, „судьямъ правдивымъ“, избираемымъ по волѣ царя. Какъ будто щадя его скромность, исторія, къ сожалѣнію, ничего почти не говоритъ ни о предшествовавшей его появленію при дворѣ жизни, ни о послѣдующей по удаленіи отъ двора. Одного не скрыла она, что онъ „бысть, яко вся могій и вся его послушаху“ **); но нельзя обезличивать и другія доблестныя личности. Какія жъ славныя дѣла принадлежатъ ему, какія этимъ личностямъ, этого не выдѣлила исторія. Такимъ образомъ нашъ знаменитый дѣятель является въ исторіи какимъ-то таинственнымъ свѣтиломъ, которое, внезапно появившись на политическомъ го-

---

*) Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1874 г., кн. I „о Благовѣщенскомъ іереѣ Сильвестрѣ и его писаніяхъ“ напечатано изслѣдованіе о. архимандрита Леонида. Въ 1875 г. въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, т. II помѣщена рецензія на этотъ трудъ; значительныя выдержки изъ него помѣщены въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1888 г., № 79. Наша статья, во многомъ согласная съ монографіею почтеннаго о. архимандрита Леонида, чужда преувеличеній и крайностей, какія подмѣтила въ ней означенная рецензія, и старается установить средній, примирительный взглядъ на дѣло.

**) Царственная книга, стран. 342.

ризонтѣ, то скрывало свой свѣтъ, то затмѣвало собою всѣхъ; таинственное и недоступное простому взору во время яркаго своего свѣтенія (казавшійся для современниковъ человѣкомъ высшаго благодатнаго помазанія) оно стало еще болѣе загадочнымъ для нихъ, когда, совершивъ свой славный путь, исчезло съ политическаго горизонта. Отзывы о немъ позднѣйшихъ историковъ чрезвычайно разнорѣчивы. Для однихъ (наприм., Погодина и Костомарова) онъ лицо безсмертное не только въ исторіи нашего отечества, но и въ исторіи всего человѣчества, творецъ самой важной эпохи не только въ царствованіи Грознаго, но и во всей древней исторіи, свѣтлая высоконравственная личность, не омраченная ни однимъ пятнышкомъ, исключая нѣкоторыхъ оттѣнковъ суевѣрій (?) своего вѣка и узкости взгляда своего общества. Но они, возвышая Сильвестра, унижаютъ Іоанна, отнимаютъ у послѣдняго всякое право на славныя дѣла его царствованія. Для другихъ, впрочемъ очень немногихъ писателей, (въ родѣ наприм., Сергѣя Горскаго), Сильвестръ есть не болѣе, какъ ловкій узурпаторъ, партизанъ, искусно воспользовавшійся обстоятельствами и лицами *). Намъ предстоитъ нелегкая задача опредѣлить истинную мѣру величія одного (Сильвестра) безъ униженія другого дѣятеля (Грознаго), оградить безупречную личность отъ незаслуженныхъ нареканій, а также выдѣлить изо всей массы событій разсматриваемой эпохи тѣ крупныя дѣянія, которыя несомнѣнно принадлежатъ Сильвестру и ярко характеризуютъ его политическую дѣятельность, и затѣмъ въ изученіи характеровъ того и другого отыскать ключъ къ разгадкѣ ихъ отношеній **).

*) Книга его „Жизнь Курбскаго и его историческое значеніе“. Изд. Казан. 1858 г. Больше ничего выдающагося не встрѣтили мы въ литературѣ о „Сильвестрѣ“.

**) Духовное лицо мы изображаемъ съ политической стороны потому, что о чисто-духовныхъ келейныхъ его подвигахъ ничего не говоритъ намъ исторія: по дошедшимъ до насъ памятникамъ, это былъ человѣкъ не столько аскетическихъ подвиговъ, сколько общественныхъ добродѣтелей, весь св. самозабвеніе въ заботахъ о другихъ, самоотверженіе въ безкорыстномъ служеніи общественному благу. Его свѣтлый, нравственный, идеально-духовный обликъ, все величіе возвышеннаго благороднаго характера открываются въ общественной и политической дѣятельности, которая, при необыкновенномъ природномъ умѣ, многосторонней опытности, тактѣ, рѣдкомъ организаторскомъ дарѣ, вся опиралась на религію, проникнута великими религіозно-нравственными принципами, въ которыхъ и заключается тайна ея величія, силы и жизненности. Вся жизнь и дѣ-

Въ историческомъ изслѣдованіи, или въ политической характеристикѣ нѣтъ нужды вдаваться въ отдѣльную литературную характеристику каждаго письменнаго памятника; мы должны смотрѣть на литературныя произведенія самого характеризуемаго лица и современныхъ ему писателей, какъ на вспомогательныя средства, для составленія политической характеристики. Для насъ важенъ вопросъ, какъ вѣрно ведутъ насъ эти средства къ нашей цѣли. Памятники и пособія, съ которыми мы должны имѣть здѣсь дѣло, суть: письма Грознаго, сказанія Курбскаго и сочиненія самого Сильвестра. Письма Грознаго—слишкомъ ненадежное пособіе. При всѣхъ счастливыхъ умственныхъ дарованіяхъ и огромной, по тому времени, начитанности своей, Грозный былъ самоучка, и, какъ у всѣхъ самоучекъ, формы языка, на которомъ онъ читалъ и учился, имѣли для него чрезчуръ большое, подавляющее разсудокъ значеніе; безъ изученія особенностей этихъ формъ, при подавленности умственныхъ способностей чрезчуръ развитымъ воображеніемъ, нервною чувствительностію, страстностію природы, порывами истерическаго самолюбія, онъ не могъ совладѣть построеніемъ рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не кончивши одного, начиналъ другое. Оттого на основаніи однихъ и тѣхъ же словъ его историки дѣлаютъ выводы совершенно противоположные и заключаютъ къ событіямъ совершенно разнороднымъ. Къ тому жъ онъ пишетъ о

ятельность о. Сильвестра, всѣ полныя таинственности и окруженныя ореоломъ величія отношенія его къ Грозному до того проникнуты, одушевлены религіознымъ этимъ духомъ, животворною всеобъемлющею силою вѣры, что, изображая его съ политической стороны, имѣешь дѣло какъ бы съ религіознымъ и церковнымъ дѣятелемъ. Но главное, эта безсмертная въ исторіи, но малоизслѣдованная наукою личность имѣетъ интересъ для церковно-исторической науки: на ней (личности) мы видимъ, что можетъ сдѣлать Церковь на службѣ государству и какъ много сдѣлала она въ государственномъ нашемъ строеніи, съ ея всесозидающими животворными началами, съ ея неземными, всеустрояющими силами и воздвигаемыми ею вождями и просвѣтителями общества.—Умеръ онъ въ изгнаніи, страстотерпчески мученически—на „Русскомъ Аѳонѣ“, въ Соловецкомъ монастырѣ „Архангельскія области“. И потому „сей пришлецъ изъ Новгорода Великаго“, откуда шли въ нее христіанство и гражданственность (цивилизація) еще съ XII вѣка, „изгнанникъ изъ царственнаго града Москвы“, изъ которой да изъ Казани постоянно приливали къ ней притоки новой православно-религіозной и русско-народной волны, великая историческая личность вообще, Богомудрый о. Сильвестръ рано или поздно долженъ быть причтенъ къ „сонму подвижниковъ крайняго Сѣвера и всея Россіи“ и для перваго изслѣдованіе о немъ имѣетъ особенный мѣстный интересъ научный, историческій, жизненный.

нашемъ дѣятелѣ подъ вліяніемъ страсти, какъ нервный недотрога, въ порывахъ личной ненависти, что называется, съ пѣною во рту, и потому желчные отзывы его о Сильвестрѣ не заслуживаютъ почти никакого вѣроятія. Въ сказаніяхъ Курбскаго больше ясности, стройности и спокойствія въ изложеніи, и хотя онъ пишетъ въ духѣ кружка Сильвестра, но его похвалы Сильвестру далеки отъ обычныхъ предразсудковъ партіи и страдаютъ очень небольшими преувеличеніями. Курбскій имѣлъ личныя причины хвалить и хулить Сильвестра: знаменитый своимъ происхожденіемъ, образованіемъ и заслугами, Курбскій не могъ вспомнить равнодушно, что поповичи, „писарки не изъ шляхетскаго благородства“ возвышались государемъ и получали важныя государственныя должности; *) но предъ обаяніемъ Сильвестра смолкла его сословная непріязнь; онъ самъ заискивалъ чести попасть въ Сильвестровъ кружекъ, и, по паденіи своего вождя, когда исчезла всякая надежда на возстановленіе его и на полученіе чрезъ него какихъ-либо милостей отъ царя, сохранилъ о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія: не знакъ ли это, что въ своихъ похвальныхъ отзывахъ о немъ писатель не мало руководится уваженіемъ къ безпристрастной истинѣ и несомнѣннымъ доблестямъ? Гораздо болѣе безпристрастными историческими свидѣтельствами должны оставаться для насъ писанія самого Сильвестра какъ тѣ, которыхъ онъ былъ только издателемъ и собирателемъ, т. е. обширный Домострой, такъ и собственныя произведенія его: наставленіе отъ отца къ сыну, челобитная его къ Московскому собору 1554 г. и посланія его къ Шуйскому-Горбатому, воеводѣ сопредѣльнаго Архангельской области царства Казанскаго. Тѣ и другія сочиненія, какъ увидимъ изъ подробнаго анализа ихъ, служатъ живымъ отраженіемъ личности Сильвестра, вѣрною мѣркою умственнаго его уровня, высоты и гуманности политическихъ его воззрѣній, его интересовъ, стремленій, цѣлей и средствъ, на которыя опиралась его политика. По нимъ-то главнымъ образомъ мы и будемъ опредѣлять духъ и характеръ политической его дѣятельности.

1.

Въ самомъ началѣ литературно-политической характеристики предъ нами сами собою возстаютъ вопросы: 1) какъ широко было умственное образованіе этого даровитаго отъ природы человѣка, и 2) гдѣ онъ получилъ такую подготовку, выработалъ такой тактъ, что

*) Истор. Іоанна, стран. 49, сочин. Курбскаго издан. Устряловымъ.

сразу же забираетъ къ себѣ въ руки самыхъ лучшихъ людей времени и сразу же является замѣчательнымъ политическимъ дѣятелемъ? На первый вопросъ даютъ намъ отвѣтъ его сочиненія и преимущественно его посланія. Изъ нихъ видно, что онъ былъ хорошій знатокъ Св. Писанія, усвоившій себѣ его духъ, складъ рѣчи. Его риторика была, такъ сказать, библейская; рѣчь его простая и вмѣстѣ величественная, теплая, задушевная, дышащая высокимъ, искреннимъ благочестіемъ, и на современниковъ, должно быть, производившая чрезвычайное впечатлѣніе. Видно также, что онъ былъ очень начитанъ изъ патериковъ и другихъ подобныхъ произведеній, бывшихъ въ обращеніи между грамотными людьми того времени. Онъ обнаруживаетъ, наконецъ, знакомство съ изреченіями древнихъ языческихъ мудрецовъ, наприм., Демокрита, и со многими свѣдѣніями изъ Римской и Греческой исторіи. Если присоединить сюда, что онъ хорошо зналъ греческій языкъ, любилъ читать и переводить съ греческаго духовныя книги,—что̀ видно изъ оставленныхъ имъ въ Кирилловомъ монастырѣ греческихъ книгъ (псалтири, апостола и проч.), *) то и по этимъ уцѣлѣвшимъ даннымъ можно смѣло сказать, что онъ былъ цѣлою головою выше современныхъ ему соотечественниковъ, и что развѣ одинъ Курбскій, (и то впослѣдствіи, когда довершилъ свое образованіе въ Литвѣ) могъ помѣриться съ нимъ. Самъ Грозный, „великій словесныя премудрости риторъ“, многими своими свѣдѣніями и навыкомъ писательства обязанъ былъ Сильвестру. Въ этомъ-то умственномъ превосходствѣ и заключается одна изъ главныхъ причинъ обаянія, какое онъ производилъ на народъ и самую интеллигенцію общества. Что касается до предварительной его подговки къ государственному служенію, то на этотъ вопросъ можно отвѣчать лишь догадкою. Очень можетъ быть, что еще въ родномъ Новгородѣ онъ пріобрѣлъ интересъ слѣдить за управленіемъ и порядками общественными, и что новгородское самоуправленіе было школою для развитія правительственныхъ его способностей. Въ бытность же свою протоіереемъ Московскаго Придворнаго Собора, сблизившись съ боярами и семействомъ царскаго брата Владиміра, (за котораго онъ еще въ 1542 г. является ходатаемъ при дворѣ,) имѣлъ полную возможность всматриваться въ положеніе и нужды государства, и, недовольный настоящимъ порядкомъ дѣлъ, навѣрно задавалъ себѣ разныя думы и вопросы, какъ бы поправить настоящее положеніе дѣлъ, вовсе не подозрѣвая, что судьба готовила имъ обширнѣйшее практическое примѣненіе.

*) Истор. Руск. Дух. Литер. Филарета, архіеп. Черниг. т. 1., стр. 198.

Сильвестръ былъ одна изъ тѣхъ необыкновенныхъ личностей, которыя, во время обычнаго, покойнаго теченія дѣлъ, остаются мало замѣченными и которыя во время общественныхъ переворотовъ и катастрофъ всплываютъ на верхъ политической дѣятельности. Такою катастрофою былъ для него страшный московскій пожаръ 1547 г. Когда разъяренная чернь, расправившись съ царскою роднею, угрожала жизни самого царя, скрывшагося въ это время въ селѣ Воробьевѣ, и когда предъ пробудившеюся по этому случаю совѣстію его возстали страшными призраками всѣ прегрѣшенія распутной юности и бѣдствія безумнаго правленія,—вдругъ, какъ небесный вѣстникъ, является предъ нимъ Сильвестръ. Въ потрясающей рѣчи, какъ на картинѣ, онъ изобразилъ предъ царемъ отчаянное положеніе государства, указалъ, что причиною всѣхъ несчастій—пороки царя, что небесная кара виситъ уже надъ нимъ въ образѣ народнаго бунта, громилъ, увѣщевалъ и ободрялъ, бралъ на свою душу всѣ грѣхи царя и вызвался быть его руководителемъ и спасителемъ. Набожный, впечатлительный Іоаннъ, обыкновенно искавшій укрыться отъ бѣды подъ кровомъ вѣры, весь отдается ея пламенному служителю: привыкшему думать и говорить отъ Писанія, настроившему воображеніе библейскими образами, Іоанну показалось, можетъ быть, что предъ нимъ, какъ предъ древними царями Израиля, стоитъ, въ лицѣ Сильвестра, посланникъ Божій, подобный древнимъ пророкамъ, которые въ минуту общественныхъ бѣдственныхъ переворотовъ, вдругъ изъ простыхъ смертныхъ становились вѣстниками неба, спасителями царей и царства *). Прежнее знакомство съ Сильвестромъ, какъ съ человѣкомъ, служившимъ вблизи двора, уваженіе къ его уму, дару слова, испытанной нравственности могло лишь усилить въ сердцѣ царя вѣру въ его высшее помазаніе, въ его необыкновенныя правительственныя способности, въ высокое административное призваніе. Молодой царь очутился такимъ образомъ подъ крѣпкою опекою Сильвестра не только въ частной нравственной жизни, но и во всей государственной дѣятельности. Оставляя до времени разъясненіе причинъ сближенія его съ царемъ, обратимъ вниманіе на то, какъ послѣдовательна и цѣлесообразна становится его политика на первыхъ же шагахъ. Такъ какъ государство больше всего страдало отъ вкравшихся въ довѣренность царя временщиковъ и ихъ раз-

*) Въ настоящемъ разѣ Сильвестръ очень напоминаетъ собою старшаго своего современника, безсмертнаго Іеронима Савонароллу, вдохновенное слово котораго производило такое изумительное дѣйствіе на сильныхъ земли.

сѣянныхъ повсюду слугъ и клевретовъ, то благодѣтельныя свои реформы онъ начинаетъ сверху, съ постепеннаго замѣщенія злыхъ временщиковъ и ихъ клевретовъ людьми способными и благонамѣренными. Дѣло велось чрезвычайно тонко, дальновидно и мудро. „Усвоивъ царю въ дружбу“ постельничаго Алексѣя Адашева, котораго Іоаннъ зналъ и прежде съ самой лучшей стороны, и князя Дмитрія Курлятева, человѣка съ родовыми преданіями и личными высокими достоинствами, Сильвестръ собралъ около трона кружокъ князей и бояръ, болѣе другихъ отличавшихся широкимъ взглядомъ на вещи и любовію къ общему дѣлу. Нельзя опредѣленно сказать, изъ какихъ именно лицъ состоялъ этотъ кружокъ, но судя по тому, кто были главными дѣятелями Сильвестровой эпохи, можно съ вѣроятностію полагать, что въ немъ блисталъ рядъ именъ: Курлятевыхъ, Куракина, Михаила Рѣпнина, Турантая, Пронскаго, Кашина, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Дмитрія Палецкаго, Курбскаго, Петра Шуйскаго, Сабурова, Горбатаго, Шереметевыхъ, Морозовыхъ. „Одни изъ нихъ, по словамъ Курбскаго, были старцы, украшенные благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, другіе люди средняго возраста, предобрые, прехрабрые, искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ; всѣ были мужи разумные и совершенные, и всѣ вошли въ такую пріязнь и дружбу къ царю, что безъ ихъ совѣта онъ ничего не могъ ни устраивать, ни мыслить“ *). Похвала Курбскаго едва ли преувеличена: это были, дѣйствительно, мужи совѣта и доблести, орлы своего вѣка, блистательно оправдавшіе выборъ своего вождя. Курбскій собираетъ всѣхъ ихъ подъ одно имя „избранная рада“; но едва-ли можно разумѣть здѣсь оффиціальную раду, или боярскую думу; скорѣе это былъ интимный неоффиціальный совѣтъ, служившій планамъ Сильвестра и Адашева. Многіе изъ этихъ совѣтниковъ засѣдали и въ боярской думѣ и проводили въ ней взгляды своего принципала. Нельзя не подивиться кроткой, мудрой и выжидательной политикѣ, съ какою онъ, забирая къ себѣ въ кружокъ членовъ боярской думы, постепенно передѣлывалъ ее на свой ладъ: государственное высшее учрежденіе, имѣющее за себя свою исторію, новый скромный властитель державы сразу не ломаетъ, не уничтожаетъ, или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, не перемѣняетъ министерства; но, постепенно вербуя въ свой интимный кружокъ думныхъ бояръ и князей, кротко, любовно склоняя ихъ къ своимъ политическимъ убѣжденіямъ и планамъ, онъ, не мѣняя много лицъ, измѣняетъ духъ учреж-

*) Истор. Іоан., стр. 11 и 12.

денія и, при его посредствѣ, осуществляетъ свой политическій идеалъ. Другой бы на его мѣстѣ гордо отвернулся отъ всѣхъ вельможъ, которые, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно, спѣшили примкнуть къ числу его совѣтниковъ; а онъ самъ шелъ на встрѣчу имъ, зная, что они уже составили себѣ имя въ исторіи и теперь должны быть твердою опорою для него. Можетъ быть, онъ дѣйствовалъ тутъ по прежнимъ отношеніямъ и связямъ; наприм., удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ, князь Курлятевъ были давнишніе знакомцы и друзья его; но и тутъ умъ и заслуга его въ томъ, что и до приближенія своего къ трону онъ умѣлъ составить связи съ такими почтенными фамиліями, и, по возвышеніи своемъ, не только не забылъ прежнихъ своихъ друзей, какъ это дѣлаютъ достигшіе своихъ цѣлей проныры и выскочки, но и доставилъ въ нихъ государству безспорно полезныхъ дѣятелей. Всѣ старые и новые знакомцы, думные бояре и частныя почтенныя лица охотно шли въ его кружокъ потому, что вслѣдъ за царемъ вѣрили въ высшее его помазаніе, склонялись предъ необыкновеннымъ умомъ и нравственнымъ авторитетомъ. И дѣйствительно, удивительный этотъ человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, умѣлъ всѣхъ примирять, соглашать и направлять къ цѣли; умѣлъ въ значительной степени умѣрять обычный эгоизмъ личныхъ побужденій, издавна лежавшій въ нравахъ знатныхъ родовъ.

Окруживъ тронъ славными родомъ и заслугами совѣтниками, преобразовавъ незамѣтнымъ образомъ составъ, или лучше, духъ высшаго государственнаго учрежденія, Сильвестръ сталъ извлекать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ, приближать ихъ къ царю и повѣрять имъ разныя должности въ государствѣ. Дѣло происходило такъ. При выборѣ какого-либо духовнаго сановника, царь поручалъ Сильвестру испытать нравы и разумъ его. Адашевъ имѣлъ такое же вліяніе при опредѣленіи на гражданскія должности, но все дѣлалъ съ согласія всемогущаго Сильвестра. Мало по малу всѣ должности при дворѣ, въ войскѣ и областяхъ замѣщены были людьми, преданными ихъ идеямъ и интересамъ; паразитство и неспособность прогнаны, заслуга и достоинство вознаграждены *) Для послѣдней цѣли,—для вознагражденія достойныхъ служилыхъ людей, Сильвестръ и Адашевъ воспользовались прежде существовавшимъ обычаемъ раздавать помѣстья и вотчины. Въ этихъ распоряженіяхъ иные хотятъ видѣть искусно расчитанную политику партіи, взявшей себѣ въ образецъ практику

*) Истор. Іоанн. соч. Курбск., стр. 11, 12 и 150.

партій, бывшихъ въ малолѣтство Грознаго, изъ которыхъ почти каждая старалась замѣстить своими приверженцами всѣ должности въ областяхъ и войскѣ, и раздавала имъ земли. Но... сходство здѣсь совершенно внѣшнее. Теперь (въ 1550 г.) земли во множествѣ раздавались только тѣмъ боярскимъ дѣтямъ, которые не имѣли своихъ вотчинъ, и это дѣлалось для того, чтобъ замѣнить доходы „кормленія“ дачею земельныхъ угодій. Мѣра эта значительно увеличила военную силу. Она совпадаетъ съ образованіемъ стрѣльцовъ изъ прежнихъ пищальниковъ. Заподозрѣвать раздавателей этихъ земель въ корыстныхъ сдѣлкахъ съ получателями, какія, напр., существовали во время боярскаго правленія, по меньшей мѣрѣ, странно: ни одна лѣтопись не заявляетъ о томъ, и изъ современниковъ никто не смѣлъ заикнуться противъ безкорыстія новыхъ полновластныхъ правителей. Равнымъ образомъ можно ли допустить, чтобы люди отмѣнно благоразумные, если бъ они задумали играть въ партіи и раскидывать сѣти ихъ по всему государству, стали составлять партіи изъ такихъ пестрыхъ рядовъ, изъ всѣхъ сословій? Наконецъ, партіи, интрига и другія недостойныя средства и силы развѣ могли бы преобразить разстроенное правленіемъ боярскихъ партій государство въ державу сильную и благоустроенную? Нѣтъ, наши славные дѣятели служили дѣлу, а не лицамъ, и только единство возвышенныхъ цѣлей и общаго блага, на служеніе которому они были призваны, а больше личное обаяніе этого удивительнаго человѣка, Сильвестра, могло примирить и вновь поднятыхъ худородныхъ людей и знатныхъ потомковъ древнихъ удѣльныхъ князей и надолго успокоить сословную гордость послѣднихъ. Характеристиченъ разсказъ одного лѣтописца о силѣ этого вліянія: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и думномъ, и бысть яко вся могій и вся его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ противитися ему. Указываше митрополиту и владыкамъ, и архимандритомъ, и игуменамъ, и чернецемъ, и попомъ, и бояромъ, и приказнымъ людемъ и, спроста рещи, всѣмъ владѣяше, обѣма властьми и святительскими и царскими, якоже царь и святитель, точію имене и сѣдалища не имѣяше, но поповское имѣяше; токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками“ *).

—

Учредивъ высшую избранную раду, разсадивъ по всему государству новыхъ должностныхъ лицъ, снабженныхъ отъ него инструкціями,

*) Царств. кн., стр. 342.

Сильвестръ, со свойственною ему постепенностію и послѣдовательностію, устанавливаетъ между новымъ правительствомъ и народомъ новыя взаимныя отношенія, призываетъ лучшія народныя силы для дружественнаго содѣйствія новому правительству въ благоустроеніи государства. Для этого созывается земскій соборъ, или земская дума (въ 1550 г.) изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Явленіе совершенно новое въ исторіи! Правда, и доброе старое правительство не смотрѣло на народъ, какъ на вещественную массу, изъ которой оно брало бы только войско или деньги, и прежде во всѣхъ областяхъ существовали когда-то вѣча, съ которыми совѣщался князь и въ которыхъ выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе власти государственной къ мысли народной; но эти вѣча существовали въ земляхъ по одиночкѣ, никто не додумывался до великой мысли собрать одно вѣче всѣхъ Русскихъ земель, вѣче вѣчъ: раздоры между князьями и землями не допускали до этого. Теперь, когда государство стало единымъ надъ единою Русскою землею, и государь великій князь московскій сталъ царемъ всей Руси, не было ничего естественнѣе и цѣлесообразнѣе, какъ обратиться единому государству къ единой Русской землѣ и созвать ее всю на совѣтъ: чрезъ это только что собранныя и объединенныя земли должны были сплотиться въ неразрывный союзъ какъ между собою, такъ и съ самодержавною единою властію. Къ сожалѣнію, исторія не знаетъ не только подробностей, но даже главныхъ чертъ этого знаменитаго событія. Неизвѣстно, какъ избирали выборныхъ, кого выбирали и съ какимъ полномочіемъ посылали,—предъ нами только блестящая картина народа, собраннаго на Лобномъ мѣстѣ, и образъ царя, стоящаго посреди народа и духовенства, подъ осѣненіемъ крестовъ и хоругвей, и въ своей трогательной рѣчи кающагося предъ народомъ, умоляющаго народъ оставить ненависть и вражду, обѣщающагося быть отцемъ и судіею подданныхъ и т. д. Извѣстно также, что правительство и народъ, царь и земля въ первый разъ здѣсь увидались, обнялись другъ съ другомъ и между ними установился свободный союзъ, утвердились новыя отношенія: правительству предоставлена сила власти, землѣ — сила мнѣнія, торжественно признаны двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная. Союзъ этотъ долженъ быть тѣмъ тѣснѣе и плодотворнѣе, что новое правительство, — не то, что было при боярскомъ правленіи,—не становилось отдѣльнымъ лагеремъ отъ народа,—оно вышло изъ среды народа, изъ всѣхъ его сословій, и должно было нравственно служить народу, а не народъ ему, должно было радѣть народу, а народъ ему.—Спрашивается, насколько при-

надлежитъ Сильвестру честь созванія собора, участія въ ораторской декламаціи, слышанной на соборѣ, и установленія прекрасныхъ отношеній двухъ великихъ политическихъ силъ? Думаютъ *), что юный царь, который не могъ еще собрать собственныхъ мыслей въ головѣ, у котораго свой умъ далеко еще не царь въ головѣ,—ему тогда было 17 лѣтъ отъ роду, — не могъ самъ придти къ великой мысли о созваніи собора, что произнесенная имъ здѣсь рѣчь цѣликомъ была написана ему Сильвестромъ, и что установленіе новыхъ отношеній между государствомъ и землею было исключительнымъ дѣломъ Сильвестра.— Отдавая полное уваженіе счастливымъ дарованіямъ Іоанна, которыя въ этомъ возрастѣ, при извѣстной долѣ его ранняго самообученія, не могли не проявить себя, но съ другой стороны не вѣря въ ихъ необычайную талантливость, мы склонны думать, что прекрасная рѣчь его написана имъ самимъ, но не безъ содѣйствія и поправокъ Сильвестра: Іоаннъ, всегда любившій порисоваться нарядным словцомъ, если когда, то особенно теперь, въ пору ранней юности, при первомъ представленіи народу въ роли публичнаго оратора, не могъ обойтись безъ поправокъ и указаній своего ментора, за которымъ всѣ признавали большіе ораторскіе таланты. За вѣрное можно выдавать, что обнаружившіяся въ рѣчи знаніе общественныхъ недостатковъ и нуждъ, государственныя гуманныя стремленія онъ почерпнулъ отъ Сильвестра: потому что Іоанну до сихъ поръ намѣренно закрывали глаза, чтобъ не видѣть ему ранъ и язвъ общественныхъ и воспитывали его въ удаленіи отъ дѣлъ государственныхъ. Далѣе, такъ какъ Іоаннъ, изъ дѣтства воспитавшій въ себѣ высокія понятія о царственномъ достоинствѣ, считалъ ниже своего достоинства обращаться за совѣтомъ къ боярамъ, и такъ какъ подобныя понятія были правиломъ всей его жизни и дѣятельности, вдохнули силу и энергію его характеру, который въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ долженъ былъ предъявить уже свои властолюбивыя права, то смѣло можно полагать, что обращеніе за народнымъ совѣтомъ, или соборнымъ мнѣніемъ было не въ его понятіяхъ, не въ его характерѣ. Только Сильвестръ, гражданинъ того великаго города, общественная дѣятельность котораго вся вращалась нѣкогда около народныхъ вѣчъ, для котораго они были идеаломъ, залогомъ всего лучшаго, могъ убѣдить царя обратиться къ народному вѣчу. Но и онъ ,подлаживаясь подъ настроеніе и характеръ Іоанна, уступая его

*) Статья Погодина: Іоаннъ Грозный, помѣщенная въ Библіотекѣ для Чтенія за 1834 г.

завѣтной идеи самодержавія, долженъ былъ дать строй новому собору во вкусѣ юнаго самодержца, долженъ былъ предоставить собору одну чисто-нравственную силу мнѣнія, безо всякой примѣси внѣшней принудительной силы, которую позволяли себѣ иногда древнія областныя вѣча. Силу эту сами выборные выразили предъ царемъ такъ: „какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь, это — твоя воля, а наша мысль такова".

—

Заручившись нравственнымъ содѣйствіемъ народа, вѣроятно, съ вѣдома и разума земскаго собора, Сильвестръ начинаетъ рядъ реформъ, обнимающихъ всѣ отрасли государственной, общественной, церковной и частной жизни: новымъ лицамъ даются новыя законоположенія. Прежде всего Сильвестръ со своими мудрыми совѣтниками озабочивается преобразованіемъ судебныхъ, административныхъ и земскихъ учрежденій. Плодами этой заботливости являются Судебникъ и Уставныя грамоты. Въ слѣдующемъ году поступаютъ къ преобразованію церковнаго управленія и церковно-общественной жизни. Для этого созывается Стоглавый соборъ. Многопопечительная заботливость реформатора проникаетъ и въ семейную жизнь и, вѣроятно около этого времени, какъ наилучшее средство къ благоустроенію семьи, появляется знаменитый Домострой.

Въ частности о Судебникѣ съ достовѣрностію можно полагать, что къ составленію его рѣшено приступить на земскомъ соборѣ: на этомъ соборѣ, какъ извѣстно, избраны „судьи правдивые", а это и были, по всей вѣроятности, составители будущаго Судебника. За это дѣло раньше другихъ принялись потому, что требовались самыя неотложныя и систематическія мѣры противъ произвола правителей и судей и всякаго рода насилія, грабежей и разбоевъ. Нельзя указать, когда, какъ и кѣмъ составлялись законоположенія Судебника и Уставныхъ грамотъ: намъ остались только редакція Судебника и нѣсколько грамотъ. Но достаточно вникнуть въ общій строй законодательной дѣятельности этого времени, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ отразилось на ней всемогущее вліяніе Сильвестра.— Въ первыхъ опытахъ этого законодательства рѣзко поражаетъ насъ развитіе двоевластія и двосудія, элементовъ государственнаго и земскаго: какъ на соборѣ обнялись, сдружились и установили между собою дѣятельный союзъ двѣ великія политическія силы — правительство и земство, такъ и по Судебнику Іоанна IV являются взаимнодѣйствующими двѣ отличныя силы: государство и земщина; это совершенно въ духѣ Сильвестра. Не касаясь установленнаго Судебникомъ государственнаго судебнаго меха-

низма, существенно не отличавшагося отъ прежняго, а лишь давшаго ему болѣе опредѣленности, сложности и централизаціи, бросимъ бѣглый взглядъ на выборный народный судебный механизмъ. Представителями послѣдняго явились въ городахъ городовые приказчики и дворскіе, а въ волостяхъ—старосты и цѣловальники. Старосты были двоякаго рода: выборные, полицейскіе и выборные судебные. Старосты судебные и цѣловальники, а также городовые приказчики и дворскіе, которые должны были засѣдать на судѣ намѣстниковъ и волостелей, имѣли право и обязанность оберегать народъ отъ произвола послѣднихъ. У нихъ были свои земскіе дьяки и подьячіе, записывавшіе для себя разбиравшееся на судѣ дѣло особо отъ коронныхъ дьяковъ и подьячихъ. Полицейскіе старосты оберегали народъ отъ притязаній полицейскихъ властей. Въ видахъ предоставленія народной громадѣ возможно бо́льшихъ льготъ, общества раздѣлены были на сотни и десятки, и имѣли право выбирать себѣ блюстителей порядка: старостъ, десятскихъ и сотскихъ, которые распоряжались къ тому жъ раскладкою денежныхъ и натуральныхъ повинностей, и вели для этого разметныя книги. Все это—благодѣтельныя законоположенія Судебника. Что намѣчено было Судебникомъ, то развивали уставныя грамоты. Судебникъ пока только вводилъ двоесудіе: уставныя грамоты дали перевѣсъ на судѣ выборному началу и мало по малу управленіе намѣстниковъ и волостелей замѣнили народнымъ самоуправленіемъ: къ концу 1555 г. жителямъ всѣхъ уѣздовъ предоставлено право за взносимую въ царскую казну, какъ бы отпускную сумму оброка, управляться и судиться посредствомъ выбранныхъ ими излюбленныхъ головъ, или земскихъ старостъ, имѣвшихъ право суда и смертной казни; а для предотвращенія злоупотребленій должны были выбираться цѣловальники, засѣдавшіе въ судѣ, участники суда и свидѣтели. Внутреннее управленіе въ странѣ поручалось сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ, которые обязаны были наблюдать за благочиніемъ, хватать подозрѣваемыхъ и отдавать ихъ суду излюбленныхъ головъ, или судей. Всѣ члены общества обязаны были принимать дѣятельное участіе въ благоустройствѣ суда и управленія; для этого на такъ называемыя сходбища они отправляли своихъ выборныхъ (отъ каждаго сословія), которые указывали на лихихъ людей и предлагали мѣры къ ихъ обузданію. Вообще характеръ законодательной дѣятельности разсматриваемой эпохи отличается духомъ общинности, намѣреніемъ утвердить широкую общительность и самодѣятельность русскаго народа, и дать возможно большія льготы, способствующія его благосостоянію и благоденствію. Этотъ духъ и благотворный принципъ, по всей вѣроятно-

сти, сообщены законодательству Сильвестромъ. Мнѣніе это подтверждается исторіею грамотъ. Первая грамота, замѣнившая царскихъ намѣстниковъ и волостелей выборными народомъ старостами, была дана въ 1552 году землѣ Важской. Жители этой земли просили дозволить имъ избрать 10-ти излюбленныхъ судей, которые бы вмѣсто намѣстниковъ судили какъ уголовныя дѣла (въ душегубствѣ, и татьбѣ, и въ разбоѣ съ поличнымъ, и съ костыремъ), такъ и земскія, и за это жители ежегодно обязывались платить въ царскую казну оброку 1500 руб. Грамота, данная Важской землѣ, удовлетворяла эту просьбу вполнѣ. Безъ сомнѣнія, жители Важскія земли хорошо знали то, о чемъ они просили, а просить они не могли какихъ-либо новыхъ, никогда неслыханныхъ и нигдѣ не существовавшихъ льготъ; такъ какъ ихъ земля была изстари землею Новгородской и понятіе о выборномъ началѣ распространено было здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, то они просили, навѣрно, тѣхъ льготъ и правъ выборнаго начала, какія въ зернѣ существовали нѣкогда въ Новгородѣ и ихъ собственной землѣ. Изъ этого можно заключить, что сущность того устройства, которое дано грамотою точь въ точь по ихъ просьбѣ, еще ранѣе существовала въ земляхъ Новгородскихъ. И такъ какъ такое же устройство, по почину Важской земли, введено и во всѣхъ другихъ уѣздахъ, то значитъ все дѣлалось здѣсь по иниціативѣ новгородской; по кому же лучше знать новгородскіе порядки и въ духѣ ихъ вводить порядки во всей Русской землѣ, какъ не новгородцу Сильвестру? Предположеніе это подкрѣпляется еще тѣмъ соображеніемъ, что многія существенныя принадлежности новаго судопроизводства, бывшія во всей силѣ въ правленіе Сильвестра и Адашева, по паденіи ихъ отмѣнены. Такъ при Сильвестрѣ обыскъ имѣлъ существенно-важное значеніе: онъ опредѣлялъ собою способъ суда надъ подсудимымъ и въ значительной степени вытѣснялъ изъ употребленія поле или судебный поединокъ; но впослѣдствіи, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значеніе обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожилась. Наприм., въ эпоху Сильвестра пытка допускалась только въ томъ случаѣ, когда приговоръ по обыску признавалъ подсудимаго худымъ человѣкомъ,—если не причислять къ пыткѣ правежа: послѣ къ Сильвестра, и одобренныхъ по обыску предавали пыткѣ и подвергали смертной казни на основаніи обвиненій, добытыхъ пыткою. Что же отсюда слѣдуетъ? То, что съ теченіемъ времени, съ облагороживаніемъ нравовъ и возникающею отсюда потребностію ослабленія пытокъ, узаконенія, направленныя противъ послѣднихъ, должны бы получить большую силу и развитіе; но если этого не было на дѣлѣ, то,

кажется, ненависть къ изобрѣтателямъ отвергаетъ ихъ, и такимъ образомъ честь введенія этихъ законоположеній остается за Сильвестромъ. Наконецъ, то обстоятельство, что во всемъ законодательствѣ и учрежденіяхъ не видно аристократическаго направленія, ничего такого, что клонилось бы къ исключительнымъ выгодамъ знатнѣйшихъ родовъ, а, напротивъ, виденъ господствующій духъ уравненія, стремленіе дать народной громадѣ льготу и благосостояніе, — это обстоятельство приводитъ къ той мысли, что все исходило отъ тогдашнихъ печальниковъ народа—Сильвестра и Адашева, и что пособники ихъ, принадлежавшіе большею частію къ знатнѣйшимъ родамъ, смотрѣли на все глазами своихъ вождей.

Нужно ли распространяться о томъ, какъ важны, гуманны и для того времени либеральны подобныя начала и направленіе разсматриваемаго законодательства? Важная его заслуга еще въ томъ, что оно осталось вѣрнымъ земскимъ преданіямъ древней удѣльно-вѣчевой Руси, подавленнымъ послѣдующими историческими обстоятельствами, но еще несовершенно исчезнувшимъ изъ народной жизни и сохранившимся преимущественно въ Новгородской и Псковской земляхъ. Далѣе, въ новыхъ учрежденіяхъ важно то, что вездѣ принимались во вниманіе внѣшнія условія, права и обязанности, чрезвычайно разнообразившія отношенія жителей какъ къ государству, такъ и взаимно между собою (наприм., между крестьянами, населенными въ вотчинныхъ земляхъ монастырей, церковныхъ властей и частныхъ собственниковъ введеніе выборнаго самоуправленія съ разными отличіями зависѣло отъ ихъ мѣстныхъ владѣльцевъ). Однимъ изъ главныхъ благодѣяній выборнаго судопроизводства была отмѣна судныхъ пошлинъ: правосудіе удѣлялось прибѣгавшимъ къ нему безденежно. Но наиболѣе возвышаетъ его широкое развитіе духа общинности, самодѣятельности и самоуправленія. Намъ кажется, что этотъ принципъ и построенныя на немъ многія учрежденія легли въ основу судебныхъ и административныхъ реформъ, составляющихъ славу минувшаго и настоящаго царствованія: прототипъ послѣднихъ не столько въ западныхъ законодательствахъ, сколько въ нашемъ родномъ, и именно въ разсматриваемомъ достославномъ времени. Такъ, присяжные засѣдатели нашихъ окружныхъ судовъ то же, что и прежніе цѣловальники—свидѣтели и участники суда; праветчики (взыскатели), недѣльщики, (посылаемые отъ суда съ разными порученіями), то же, что наши судебные приставы мировыхъ съѣздовъ и окружныхъ судовъ. Судебное и административное дѣленіе областей на уѣзды, состоявшіе изъ города и волостей, раздѣленіе уѣздовъ въ полицейскомъ отношеніи на станы

очень похоже на теперешнее ихъ дѣленіе. Этого мало. Выборному началу, или народному самоуправленію предоставлены были такія широкія права, какихъ поискать и въ настоящее время: выборные излюбленные головы, или земскіе старосты, вѣдавшіе всѣ уголовныя (даже разбой и душегубство) и земскія дѣла, уполномочены были такими правами, какихъ не дано въ настоящее время выборнымъ мировымъ судьямъ и какими надѣлены лица, служащія по назначенію отъ правительства (члены окружныхъ судовъ), или будутъ надѣлены проектируемые уѣздные исправники-судьи; обвинительную власть составляли выборные отъ всѣхъ сословій, тогда какъ нынѣшняя обвинительная власть—отъ короны. Говорить ли о томъ, какъ важно было для умственнаго и соціальнаго развитія народа такое смѣлое введеніе народнаго самоуправленія въ духѣ общинности и самодѣятельности? Достаточно замѣтить, что за модными этими началами, и въ настоящее время, признается главная возбудительная сила, неудержимо движущая умственное и нравственное развитіе общества, что въ древнихъ „общественныхъ сходбищахъ“, отправляемыхъ въ уѣздахъ съ цѣлію принятія мѣръ общей безопасности, и много напоминающихъ наши земскія уѣздныя собранія, князья, дѣти боярскіе, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, въ качествѣ выборныхъ, могли и должны были говорить, судить и требовать, чтобъ дьякъ записывалъ ихъ рѣчи. Все очень либерально и гуманно! Но вопросъ въ томъ, созрѣло ли тогдашнее общество для такой автономіи? Но времени ли она? Опытъ показалъ, что подъ бдительнымъ надзоромъ и мудрымъ руководствомъ Сильвестра и Адашева и ихъ вѣрныхъ повсемѣстныхъ слугъ дѣла шли удачно, тѣмъ болѣе, что съ „лихими людьми“ и ихъ судьями-потатчиками не церемонились: наприм., за злоупотребленіе при производствѣ обыска назначена была смертная казнь наравнѣ съ разбойниками. Слѣдствіемъ всѣхъ распоряженій было то, что, по выраженію лѣтописца, „покоилась земля много лѣтъ“. Не слѣдуетъ наконецъ забывать, что мудрость и гуманность нашего законодателя, во многомъ, такъ сказать, предупреждавшая время, дѣлала и уступки времени; такъ пытки и правежи не отмѣнены совершенно по тому единственно, что во всей Европѣ то было время костровъ, плахъ и пытокъ. О многихъ законоположеніяхъ, о раздѣленіи всѣхъ подданныхъ на служилыхъ и неслужилыхъ, служилыхъ на различные классы, о правахъ и преимуществахъ ихъ, о мѣрахъ къ охраненію личной чести, о положеніи податей и повинностей на имущества и доходы, а не на лица, объ обязательствѣ службы для всѣхъ владѣльцевъ боярскихъ вотчинъ и помѣстьевъ, о всѣхъ подобныхъ постановленіяхъ не говоримъ по-

тому, что участіе нашего дѣятеля въ изданіи ихъ прямо не можетъ быть доказано. Но не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ распоряженій, клонившихся къ уменьшенію числа холоповъ, таковы наприм.: отмѣна древняго правила, по которому поступившій къ хозяину на должность безъ ряды дѣлался его холопомъ, затѣмъ, предотвращеніе случаевъ, когда человѣкъ въ нуждѣ дѣлался рабомъ, напр., запрещеніе отдаваться въ холопство за ростъ. Мѣры эти, нужно полагать, истекали отъ самого Сильвестра, который, какъ увидимъ, въ принципѣ и лично на дѣлѣ отвергъ рабство. Нельзя не отдать въ нихъ должной справедливости той мудрой и настойчивой постепенности, съ какою онъ началъ подкапываться подъ ненавистное для него, но узаконенное вѣковымъ обычаемъ рабство-крѣпостничество. Къ сожалѣнію, онъ не могъ сладить такъ удачно съ предразсудками своихъ совѣтниковъ относительно уничтоженія мѣстничества, а были попытки и въ этомъ родѣ: въ 1550 г. было постановлено, чтобы „въ полкахъ князьямъ, воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ ходить безъ мѣстъ и чтобы первый воевода большаго полка считался выше всѣхъ, а остальные равны между собою“, и вообще въ господство Сильвестра мѣстничество было нѣсколько ослаблено, но послѣ него водворилось въ прежней своей силѣ.—Представленнымъ очеркомъ законодательной дѣятельности Сильвестра и краткою оцѣнкою ея мы и закончимъ характеристику его политики въ области гражданскаго законодательства. Посмотримъ, насколько послужило его политическимъ планамъ предпринятое вслѣдъ за тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ исправленіе церковнаго устройства.

—

Что исправленіе церковнаго устройства и самое созваніе Стоглаваго собора (въ 1556 г.) сдѣланы были и въ интересахъ политическихъ, это видно изъ того обстоятельства, что на соборѣ занялись прежде всего „исправленіемъ всякаго земскаго строенія и царскаго благозакопія“. „Державный самодержецъ, прекроткій царь Иванъ Васильевичъ“, сказано въ описаніи дѣяній собора, за годъ предъ тѣмъ благословившійся у митрополита исправить Судебникъ, теперь первымъ долгомъ представилъ новый Судебникъ и уставныя грамоты на разсмотрѣніе собора, сказавъ: „прочтите и разсудите и, если это дѣло достойно, подпишите Судебникъ съ грамотами. Разсудите и утвердите по правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ и по прежнимъ законоположеніямъ родителей нашихъ, чтобы всякіе обычаи строились по Богѣ въ нашемъ царствѣ, по благословенію вашего святительства, а при нашей державѣ. А которые обычаи попзпатались или по небре-

женію ослаблены, о всемъ томъ посовѣтуйтесь довольно и возвѣстите намъ" *). Очень вѣроятно, что послѣ такого обращенія царя къ собору, отцы собора приступили прежде всего къ разсмотрѣнію и утвержденію Судебника и уставныхъ грамотъ, а также „къ совѣтованію и утвержденію по Бозѣ" обычаевъ и законовъ гражданскихъ. Переходя къ церковно-общественнымъ дѣламъ, царь далъ собору „два писанія руки своея", заключавшія въ себѣ 69 вопросовъ. Собственно это были не вопросы, а длинный списокъ безпорядковъ въ церкви, противъ которыхъ требовалось принять на соборѣ надлежащія мѣры. Спрашивается, кому принадлежитъ составленіе этихъ вопросовъ и вообще инпціатива созванія собора? Вопросы называются „царскими" не потому, чтобы они составлены были царемъ, а потому, что изложены были отъ имени царя и имъ предложены собору. Сами отцы собора говорятъ: до слуха боговѣнчаннаго царя дошло, что во многихъ церквахъ чины церковные совершаются не по уставу, и онъ, боголюбивый царь, вскорѣ повелѣлъ написать о тѣхъ чинахъ, совершаемыхъ не по уставу. Да и трудно повѣрить, чтобы молодой царь, какіе нибудь четыре года занимающійся правленіемъ царства, могъ обладать такими обширными свѣдѣніями, какія замѣчаются въ вопросахъ, о мельчайшихъ подробностяхъ богослуженія и обрядовъ, о многихъ мѣстныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ и безпорядкахъ въ разныхъ городахъ, селахъ и монастыряхъ. Еще труднѣе повѣрить, чтобы юный царь съ высоты трона могъ усмотрѣть тѣ безчисленные потаенные безпорядки, о которыхъ идетъ рѣчь въ вопросахъ: все безобразіе безчинія, производимаго въ церквахъ, мздоимства, самоуправства, распутства разныхъ членовъ духовенства, ханжеской ихъ эксплуатаціи общества, тунеядства, ростовщичества и т. п. Всѣ эти затаенные безчисленные безпорядки могло знать лицо изъ среды самого же духовенства и, пользуясь близостію къ государю, описать ихъ предъ соборомъ. Такимъ лицомъ могъ быть или Сильвестръ или митрополитъ Макарій: никого болѣе изъ духовенства мы не видимъ вблизи трона. Но митрополиту Макарію, какъ и всѣмъ членамъ собора, рѣчь царя съ яркимъ описаніемъ церковнаго этого нестроенія, представляется совершенно новою и неожиданною, и „онъ, какъ и всѣ отцы собора, видя царскую душу, совокупльшуся съ церковнымъ устроеніемъ, испусти слезы" **). При томъ, если бы самъ глава церкви вздумалъ

*) Стогл. гл. 4, изд. Казан. 1862 г.

**) Стогл. 3 гл.

заявлять собору объ этихъ безпорядкахъ, то онъ сдѣлалъ бы это прямо отъ своего имени и отъ своего же имени, хотя, конечно, не безъ соизволенія царя, созвалъ бы соборъ: недавно же, въ 1547 и 49 годахъ онъ самъ собиралъ два собора для канонизаціи россійскихъ угодниковъ и чудотворцевъ. Другое дѣло Сильвестръ! При незначительности степени, занимаемой имъ въ іерархіи, онъ имѣлъ причины опасаться, какъ бы не поднять противъ себя всеобщей бури и на соборѣ, и въ духовенствѣ, и въ обществѣ, свыкшемся съ обличаемыми безпорядками и злоупотребленіями, и какъ бы не испортить задуманное доброе дѣло. По этой простой причинѣ и еще для того, чтобы придать дѣлу больше важности и силы, онъ грустную свою картину церковно-общественныхъ недостатковъ и пороковъ представляетъ на позорище собора отъ имени самого государя; между тѣмъ какъ митрополиту, являющемуся на соборѣ судьею надъ самимъ царемъ, не изъ-за чего было прикрываться именемъ государя. Живое и непосредственное участіе Сильвестра въ описаніи безпорядковъ и въ составленіи вопросовъ для собора подтверждаетъ косвеннымъ образомъ самъ царь, когда сознается, что свои вопросы онъ подготовлялъ, начиная съ 1547 года, т. е. съ того времени, какъ онъ подпалъ подъ непосредственное руководство Сильвестра *), или когда, описывая разные безпорядки, противополагаетъ имъ, какъ образецъ для подражанія, порядки новгородскіе (наприм., христіане приносятъ въ церковь сыръ, яйца, рыбы, печенья, калачи, пироги, блины, караваи и всякія овощи: и въ Новгородѣ и Псковѣ устроенъ для этого кутейникъ во всякой церкви **). Итакъ, составленіе царскихъ вопросовъ для собора и созваніе самаго собора смѣло можно приписать Сильвестру. Да и въ самой рѣчи царя, произнесенной предъ открытіемъ собора, вѣетъ духъ благочестія, свойственный полнымъ благодатнаго помазанія посланіямъ Сильвестра, слышится его своеобразная, не лишенная красоты и картинности риторика, ощущается вообще его стройный тонъ и направленіе. Раскройте наприм. тѣ мѣста, гдѣ царь исповѣдуетъ свои грѣхи, свое смиреніе, обѣщаетъ безпрекословное повиновеніе собору святителей, или гдѣ описываетъ свои впечатлѣнія по поводу московскихъ пожаровъ: („посла Господь на ны тяжкіе и великіе пожары: отъ сего убо вниде страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости моя, и смутихся духъ мой и познахъ свои согрѣшенія..." ***). Такой от-

*) Стогл. 3 гл.

**) Стогл. 13 гл.

***) Стогл 3 гл.

кровенной исповѣди, такого смиренія и безпрекословнаго повиновенія не услышишь отъ самого Іоанна, надменнаго въ самомъ смиреніи и исповѣди, и всегда сваливавшаго свои грѣхи на другихъ; должно быть, слова этой исповѣди, смиренія вложены въ его уста его наставникомъ и руководителемъ. Впрочемъ, въ знаменитой этой рѣчи мы готовы признать собственнаго авторства Іоанна нѣсколько больше, чѣмъ въ рѣчи, произнесенной имъ годъ тому назадъ на земскомъ соборѣ, больше настолько, насколько онъ могъ развиться за годъ и, нужно замѣтить, годъ самыхъ лучшихъ отношеній его къ наставнику, и слѣдов. самый благопріятный для умственнаго развитія.

Сильвестру не только принадлежитъ честь созванія собора, но и весьма немаловажная заслуга въ дѣяніяхъ и постановленіяхъ собора. Какая жъ именно заслуга, и чего онъ могъ достигнуть чрезъ соборъ въ политическихъ своихъ видахъ? Правда, не видно непосредственнаго участія Сильвестра ни въ засѣданіяхъ собора, ни въ редакціи его постановленій, но въ коллегіальномъ дѣлѣ дорогъ починъ, составленіе программы дѣйствій; а этотъ-то починъ и составленіе программы, и притомъ самой обширной, обличающей въ составителѣ глубокій и всесторонній взглядъ на потребности церкви, общества и государства и были дѣломъ Сильвестра. Программа эта—тѣ же царскіе вопросы. Скажемъ болѣе. Созвать соборъ, важнѣйшій изо всѣхъ, какіе только были въ русской церкви, и, указавъ для него предметы занятій, дать ключъ къ веденію ихъ, гораздо важнѣе, чѣмъ участвовать въ совмѣстномъ рѣшеніи вопросовъ на засѣданіяхъ. Говоря, что нашъ мудрый составитель вопросовъ указалъ собору и ключъ къ рѣшенію ихъ, мы, надѣемся, не сказали ничего преувеличеннаго. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Сильвестръ „указываше и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритомъ, и игуменамъ, и чернецемъ, и попомъ“; но, постоянно находившійся при особѣ государя, весь погруженный въ дѣла правленія, гдѣ и когда онъ могъ давать отъ себя этимъ лицамъ руководящія указанія, какъ не на соборѣ? А умѣнье повести дѣло такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить открытой зависти и раздраженія, и всѣхъ „небопарныхъ орловъ“, слетѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи, дружно направить къ одной великой цѣли? Конечно это было дѣломъ благоразумія достойнаго предсѣдателя собора. Но митрополитъ, бывшій искреннимъ другомъ и споспѣшникомъ Сильвестра, дѣйствовавшій на соборѣ по плану и „указаніямъ“ Сильвестра, держался его политики соглашенія. Протоіерею имѣть такое вліяніе на такого просвѣщеннаго и первоверховнаго архипастыря, какъ митрополитъ Макарій, и сохранить съ нимъ навсегда дружескія отно-

шенія, не возбуждая въ немъ ни малѣйшей къ себѣ зависти,—дѣло чрезвычайнаго искусства, доказательство несравнимаго всепобѣждающаго умственнаго и нравственнаго обаянія его! Важность Сильвестрова вліянія на дѣла собора всего очевиднѣе открывается изъ того обстоятельства, что всѣ достойныя наивысшаго уваженія постановленія собора, которыя жили и дѣйствовали цѣлые полутораста лѣтъ *), а, можетъ быть, и болѣе были отвѣтами на такъ называемые царскіе, или, что то же, на Сильвестровы вопросы; напротивъ, постановленія, недостойныя собора, сдѣлавшіяся впослѣдствіи сѣменемъ раскола, выходили изъ круга предложенной программы. Перваго рода постановленія, вызванныя Сильвестровою программою, имѣли въ виду обновить всю русскую церковь и общество, указать имъ пути для правильнаго развитія всѣхъ отраслей жизни, содѣйствовать искорененію суевѣрій, улучшенію нравовъ и обычаевъ, семейныхъ и общественныхъ, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ, опредѣлить отношеніе церковной власти къ гражданской и самому государю. Государственное значеніе этихъ постановленій само собою очевидно, но оно становится еще важнѣе, если обратимъ вниманіе на мѣры, на которыя опираются постановленія. Мѣры эти суть: разныя увѣщанія, разсужденія и наставленія, основывающіяся на правилахъ апостоловъ, соборовъ и св. отецъ, мѣры самыя дѣйствительныя, такъ какъ зло, противъ котораго онѣ были направлены, состояло въ нарушеніи этихъ правилъ, въ забвеніи ихъ и пренебреженіи ими; эти-то мѣры, испытанныя вѣками, и могли освободить церковь отъ вкравшихся въ нее недостатковъ и безпорядковъ и вывести ее изъ худшаго состоянія въ лучшее. По поводу тѣхъ же царскихъ или Сильвестровыхъ вопросовъ сдѣлано было на соборѣ не мало постановленій чисто-гражданскаго свойства, таковы, наприм., опредѣленія: о заведеніи училищъ [1]), объ устройствѣ богадѣленъ [2]), о выкупѣ плѣнныхъ [3]), объ отчужденіи въ царскую казну нѣкоторыхъ монастырскихъ имуществъ [4]), о привлеченіи на государеву службу дѣтей и слугъ боярскихъ, (которые только знали „зернью играть, пропиваться, грабить, разбойничать и душегубствовать“ [5]), объ очище-

*) Извлеченія изъ нихъ встрѣчаются въ царскихъ указахъ и грамотахъ 1646, 1651 и 1677 гг. Акты Экспед. т. IV, №№ 35, 174, 327.

[1]) Стогл. гл. 27.

[2]) Стогл. гл. 83.

[3]) Стогл. гл. 82.

[4]) Стогл. гл. 101.

[5]) Стогл. гл. 41, отв. на воп. 20.

ніи дальнихъ странъ отъ скомороховъ, (которые огромными ватагами, человѣкъ въ 100, ходили по деревнямъ, силою ѣли и пили у крестьянъ, изъ клѣтей хлѣбъ высыпали и по деревнямъ людей разбивали *). Предоставивъ исполненіе этихъ постановленій царской заповѣди и грозѣ, соборъ требуетъ здѣсь мѣръ внѣшнихъ, административныхъ, полицейскихъ. Но и на этотъ разъ онъ не забываетъ обратиться съ своими увѣщаніями и убѣжденіями то къ духовенству, то къ народу, угрожая за ослушаніе церковными епитиміями, судомъ Божіимъ и т. д. Этихъ-то прещеній, убѣжденій и вообще мѣръ нравственныхъ, исходящихъ отъ высокопоставленнаго и священнаго учрежденія, и нужно было, чтобъ вырвать съ корнемъ то зло въ общественной и государственной жизни, противъ котораго гражданскія полицейскія мѣры безсильны; совокупность соборныхъ мѣропріятій, постановленій, долженствовавшая обновить церковно-общественную жизнь, должна была обновить государство съ самой внутренней, существенной стороны, оживить государственный организмъ въ самомъ сердцѣ, жизненной артеріи. Это именно имѣлъ въ виду самъ царь, когда, при открытіи собора, говорилъ: „многіе грады раззорившася и великія царства опустѣша за гордость людскую, братоненавидѣніе, насиліе, любодѣяніе, Содомскій грѣхъ... Мы же, всѣхъ сихъ убоявшеся и умъ свой собравше, размыслимъ, не вся ли та въ насъ суть злодѣянія, и не за грѣхи ли послалъ намъ Богъ различныя испытанія и казни, мнѣ сиротство и царству вдовство... Дабы спаслось царство россійское отъ раззоренія и достигло могущества и славы, царь проситъ отцовъ собора исправляти и утверждати въ людехъ св. вѣру христіанскую“ **). И вотъ, когда соборъ узаконилъ надежныя мѣры къ устроенію церкви и царства, царь разсылаетъ постановленія собора по частямъ, въ видѣ отдѣльныхъ наказовъ и наказныхъ грамотъ, вызываемыхъ тѣмъ или другимъ случаемъ. Вообще, въ виду того, что въ созиданіи нашего государства, въ теченіе всей его исторической жизни, главною силою была церковь, что гражданскія узаконенія, опирающіяся на соборныя церковныя опредѣленія, получаютъ высшую неземную санкцію, не было ничего цѣлесообразнѣе и плодотворнѣе, какъ дѣйствовать гражданской власти въ союзѣ съ церковною, передавая на ея соборное утвержденіе уже состоявшіяся гражданскія узаконенія (напр. Судебникъ и уставныя грамоты), издавая вмѣстѣ съ нею нѣкоторыя новыя и раздѣляя исполненіе ихъ между духовными и мірскими людьми.

---

*) Стогл. гл. 41, отв. на воп. 19.

**) Стогл. 3

Оцѣнимъ съ этой точки два, три постановленія. При тогдашнемъ экономическомъ положеніи государства, при самомъ тѣсномъ союзѣ общества и государства съ церковію, что могло быть лучше постановленія касательно устройства во всѣхъ городахъ богадѣленъ, или по нашему богоугодныхъ заведеній на такихъ началахъ, чтобы для всѣхъ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ устроены были богадѣльни на счетъ казны царской, содержались доброхотными подаяніями, управлялись цѣловальниками и городскими людьми, „а священники приходили бы къ престарѣлымъ и больнымъ, поучали бы ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи“? При тогдашнемъ церковномъ характерѣ русскаго образованія, очень естественно было предоставить рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи тому же собору и повѣрить устройство училищъ во всѣхъ городахъ избраннымъ духовнымъ, „которые должны были открывать училища въ своихъ домахъ и приглашать православныхъ христіанъ отдавать къ нимъ дѣтей въ обученіе грамотѣ, письму и церковному пѣнію“. Соборъ понималъ образованіе по своему, но Сильвестръ понималъ его несравненно глубже: онъ чувствовалъ необходимость сблизиться съ Европою и усвоить ея культуру; въ этихъ видахъ, въ первый же годъ его всемогущаго вліянія на царя (въ 1547 г.), поручено было одному саксонцу Шлитте, знавшему по русски, вызвать изъ Нѣмецкой земли разнаго рода умѣлыхъ людей: ремесленниковъ, художниковъ, медиковъ, юристовъ, аптекарей, типографовъ и даже богослововъ. Порученіе это не удалось по зависти Ганзейскаго Союза и Ливонскаго Ордена. Эта-то неудача вынудила нашего просвѣтителя народа оставить училища при прежнемъ строѣ и программѣ; но въ тогдашнее мрачное время и то уже было свѣтлымъ, отраднымъ явленіемъ, что училища распространяются по всѣмъ городамъ, а не остаются, какъ было прежде, исключительною принадлежностію епископскихъ каѳедръ и нѣкоторыхъ монастырей. Далѣе, противъ разныхъ суевѣрій и вредныхъ обычаевъ, принимавшихъ самые ужасающіе размѣры и одинаково вредныхъ какъ для церкви, такъ и для государства, онъ сдѣлалъ, можно сказать, все, что только могъ сдѣлать политикъ-моралистъ,—разумѣемъ вызванныя имъ моральныя мѣры противъ наприм. лживыхъ пророковъ, старыхъ мужиковъ, бабъ и дѣвицъ, которые, нагіе и босые, отрастивъ и распустя волосы, бродили по погостамъ, волостямъ и селамъ, тряслись, убивались и отъ имени являвшихся будто имъ св. Апастасіи и Пятницы заповѣдали христіанамъ въ среду и пятницу никакого дѣла не дѣлать,

а иные заповѣдали богомерзскія дѣла творити *): мѣры эти (увѣщанія, прещенія отъ Божеств. писаній и призываемые въ помощь наказы отъ имени царя)—какая отрадная противоположность кострамъ и плахамъ, которые въ просвѣщенной Европѣ употреблялись тогда, какъ надежнѣйшее средство противъ еретиковъ и суевѣровъ. Не лишне наконецъ указать, что рукою самой же духовной власти Сильвестръ нанесъ чувствительный ударъ церковнымъ вотчинамъ **): благодаря уклончивой его политикѣ, вопросъ, стоившій церкви и государству столькихъ споровъ, смутъ и волненій, начинаетъ получать разрѣшеніе мирное и благопріятное для государственныхъ интересовъ. Вообще это рѣдкое и безпримѣрное достоинство политики, что одинъ незнатный ни родомъ, ни саномъ человѣкъ изъ всѣхъ земскихъ и церковныхъ людей, созванныхъ на соборы, выдѣляетъ самыя лучшія силы, собираетъ весь цвѣтъ государства, примиряетъ партіи и страсти, обращаетъ дѣятельность умовъ на предметы отмѣнной и неотложной важности, и направляетъ ее къ одной великой цѣли, къ созиданію государства; какъ неусыпный практическій дѣятель, самъ ничего не пишетъ, не узаконяетъ, а всѣхъ,—все мыслящее и благонамѣренное будитъ, возбуждаетъ, руководитъ и направляетъ, и съ ними и чрезъ нихъ все преобразуетъ въ государствѣ. Вотъ сколько самыхъ крѣпкихъ и плодотворныхъ силъ умѣла двинуть и вести за собою эта великая политическая сила своего времени! Вотъ какого существенно-важнаго обновленія государства достигъ Сильвестръ чрезъ обновленіе церкви на соборѣ!

—

Обновляя религіозную святыню,—церковь съ ея отношеніями къ государству, перестраивая государственное зданіе внутри и извнѣ, сверху и съ боковыхъ сторонъ (т. е. преобразовывая царскую думу, судебныя и земскія учрежденія и т. п.), и вводя въ новое зданіе новыхъ хозяевъ и распорядителей,—новыхъ должностныхъ лицъ, мудрость и послѣдовательность нашего реформатора не могла не коснуться семьи,

---

*) Стогл. 41 гл., отв. на воп. 21.

**) Таковы наприм. постановленія: 1, о возвращеніи государю всѣхъ селъ, волостей, рыбныхъ ловель и всякихъ угодій и оброчныхъ деревень, отданныхъ боярами разнымъ монастырямъ въ малолѣтство Іоанна; 2, о томъ, чтобы безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри по душѣ не давать, а если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; 3, о томъ, чтобы земли, отнятыя владыками и монастырями у боярскихъ дѣтей подъ предлогомъ долговъ, возвращены были прежнимъ ихъ владѣльцамъ (101 гл. и 85).

этого первоначальнаго и кореннаго основанія, на которомъ зиждется все государственное строеніе. Не будь семьи, не было бы ни общества, ни государства. Но если гдѣ нашъ строитель не любилъ ломки и разрушеній, то это особенно при перестройкѣ мирнаго семейнаго очага; если при всѣхъ земскихъ и церковныхъ преобразованіяхъ онъ призывалъ къ содѣйствію собственныя силы народа и чрезъ нихъ, при полнѣйшей свободѣ ихъ дѣйствій, достигалъ своихъ цѣлей, то тѣмъ болѣе при обновленіи тихаго семейнаго очага онъ долженъ былъ обратиться къ доброй волѣ и разумѣнію народа. Онъ не предписываетъ, не заказываетъ произвести спѣшныя разрушительныя перестройки въ семейномъ быту,—онъ совѣтуетъ, проситъ и убѣждаетъ саму же семью произвести исподволь поправки и улучшенія во всѣхъ частяхъ и потаенныхъ уголкахъ ея быта, совершая все съ Божьяго благословенія, во имя всего нравственнаго и святаго, и такимъ образомъ закладываетъ новый прочный фундаментъ подъ новое государственное зданіе. Съ этою главнымъ образомъ цѣлью изданъ имъ Домострой. Несмотря на свой частный утрированный характеръ, Домострой имѣетъ для насъ важное политическое значеніе уже потому, что онъ вводитъ насъ въ семью, гдѣ росла русская мысль, зрѣло русское чувство, гдѣ воспитывался русскій человѣкъ и гражданинъ.

Въ первой части Домостроя, въ такъ называемомъ духовномъ строеніи скрываются такого рода политическія тенденціи. Обязанности въ отношеніи къ царю и предержащимъ властямъ, съ особенною выразительностію и настойчивостію, излагаются тотчасъ послѣ обязанностей Богопочтенія, прежде обязанностей къ родителямъ, благодѣтелямъ; земнаго царя заповѣдуется чтить и любить, какъ царя небеснаго; свящ. особа его окружена ореоломъ небеснаго величія *). Мужу и женѣ, всѣмъ чадамъ и домочадцамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность молиться за царя каждое утро и вечеръ, при всякомъ общественномъ и частномъ богослуженіи, при домашнемъ ежедневномъ отпѣваніи утрени, вечерни и полунощницы **). Вообще Домострой очень озабоченъ тѣмъ, чтобы русскій человѣкъ весь былъ пропитанъ идеею Бога и царя, чтобы чувство преданности православному царю, также какъ и чувство благоговѣйной зависимости отъ Бога руководили всѣмъ поведеніемъ русскаго человѣка, чтобы дѣти восприняли это чувство вмѣстѣ съ молокомъ матери, и съ возрастомъ болѣе и болѣе возращали

*) Домострой гл. 7, изд. Голохвастова.

**) Домост., гл. 10 и 12.

и развивали его въ себѣ. Внушенія эти имѣли особенную важность для того времени, когда чувство царелюбивости въ русскомъ народѣ, равно какъ теоретическое сознаніе значенія царской власти въ самихъ государяхъ были не очень сильны. Политическія памѣренія и цѣли обличаютъ въ составителѣ Домостроя тѣ еще мѣста *), въ которыхъ онъ возстаетъ противъ различныхъ суевѣрій и пороковъ, этихъ гибельныхъ семейныхъ и общественныхъ язвъ, къ которымъ не можетъ быть равнодушно ни одно благоустроенное государство. И замѣчательно, здѣсь въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ постановленіяхъ собора виденъ мудрый политикъ, вооружающійся противъ золъ, имѣющихъ корень въ свободѣ и убѣжденіи—мѣрами, разсчитанными на свободу воли и убѣжденія совѣсти, а именно изъясненіемъ нравственной вмѣняемости этихъ золъ, раскрытіемъ мутныхъ источниковъ, изъ которыхъ они проистекаютъ, гибельныхъ послѣдствій, къ которымъ они ведутъ, и, наконецъ, наставленіями, подкрѣпляемыми примѣрами изъ жизни святыхъ и опредѣленіями соборовъ. Сюда же принадлежатъ исполненныя разныхъ обѣтованій и угрозъ наставленія, направленныя противъ преступленій вопіющаго насилія и захватовъ, съ которыми не могла справиться самая бдительная государственная власть **). Самую характеристическую политическую сторону Домостроя составляетъ любовь его къ слабымъ, низшимъ и подчиненнымъ, и заботливость о нихъ не лицемѣрная, не формально-чиновническая, не риторическая, не педантская, а простая, сердечная, истинно-христіанская. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ***) составитель трактуетъ о справедливости къ слугамъ и подчиненнымъ, формулируетъ обязанности ихъ, выставляетъ возвышенныя побужденія къ исполненію обязанностей. Видно, что онъ особенно тронутъ и занятъ былъ этимъ вопросомъ и, за невозможностію предпринять радикальныя государственныя мѣры, ограничивается частными нравственными: „какъ свою душу любить, поучаетъ онъ, такъ слѣдуетъ кормить слугъ. Пусть хозяинъ и хозяйка всегда наблюдаютъ и спрашиваютъ слугъ объ ихъ нуждахъ, о ѣдѣ и питіи, объ одеждѣ и всякой потребѣ, о скудости и недостаткѣ, объ обидѣ и болѣзни; надо помышлять о нихъ, печись о нихъ, сколько Богъ поможетъ, отъ всей души, все равно какъ о своихъ родныхъ.“ Не ограничиваясь этимъ, онъ увѣщеваетъ заботиться объ ихъ нравственномъ и отчасти объ умственномъ развитіи какъ „о чадахъ и домочадцахъ“. Похвальна также

*) Домост., гл. 13, 22, 23 и 36.

**) Домост., гл. 24.

***) Домост., гл. 22, 35, 59.

его заботливость о томъ, чтобы слуги, съ своей стороны, содѣйствовали миролюбивымъ отношеніямъ своихъ господъ, не вынося, что называется, сора изъ избы, чтобы честнымъ исполненіемъ скромныхъ своихъ обязанностей, всегдашнею услужливостію, исполнительностію предоставляли господамъ полную возможность отдаться всецѣло своимъ болѣе важнымъ дѣламъ. Вообще, несмотря на мелочность своихъ предписаній и правилъ (излишнихъ, собственно говоря, для нашего, а не для того времени), несмотря на узкость взглядовъ, въ которыхъ авторъ является истиннымъ сыномъ своего общества, несмотря на поклоненіе старинѣ, заведенному порядку, обычаю отцовъ и дѣдовъ, Домострой проникнутъ благороднымъ стремленіемъ, сколько возможно, глубже напечатлѣть въ сознаніи каждаго высоко и низкопоставленнаго члена общества его религіозно-нравственныя, гражданскія и семейныя обязанности, такъ чтобы онѣ всюду предносились взору каждаго члена общества, чтобъ онъ жилъ и дышалъ ими, чтобы всѣ дѣйствія его исходили отъ нихъ и направлялись къ нимъ. Пусть упрекаютъ Домострой за то, что онъ проповѣдуетъ суровое и грубое подъ часъ обращеніе съ дѣтьми *), что женщина-мать стоитъ у него не на первомъ планѣ **), что онъ не даетъ ей никакихъ нравственныхъ развлеченій, средствъ къ образованію, что она не спасена отъ жестокости мужа; поспѣшные эти порицатели забываютъ, для какого времени все это написано, не вникаютъ достаточно въ скрывающіеся за мелочами духъ и принципы, которые для того времени были довольно идеальны и либеральны. Семья, приближавшаяся къ идеалу Домостроя, могла давать и дѣйствительно давала обществу и государству превосходныхъ гражданъ. Искусно скрывая за религіозно-нравственною регламентаціею свои государственные виды и гражданскія обязанности, указывая для исполненія этихъ обязанностей высокія, исходящія изъ религіи, побужденія и вмѣняя ихъ въ непремѣнный долгъ каждаго, какъ бы св. дѣло вѣры и нравственности, Домострой могъ достигнуть самыхъ счастливыхъ политическихъ результатовъ въ той общинѣ, гдѣ св. вѣра составляла душу и жизнь государственнаго организма, основную стихію народной жизни: проникнутыя такою санкціею наставленія и увѣщанія о гражданскихъ обязанностяхъ скорѣе могли привиться къ народной жизни, чѣмъ сухіе гражданскіе кодексы, остающіеся въ большинствѣ случаевъ мертвою собственностію канцелярій.—Но между

*) гл. 17 и 38.

**) гл. 20.

тѣмъ какъ одни безжалостно упрекаютъ Домострой за деспотизмъ, узкость взглядовъ, другіе считаютъ его чрезчуръ идеальнымъ, мечтательнымъ, и утверждаютъ, что (восхваляемыя нами) внушенія и предписанія его не могли осуществиться въ дѣйствительности и привиться къ общественному сознанію и жизни, потому что Домострой есть сборникъ наставленій и совѣтовъ, а совѣты и наставленія суть изображеніе того, что должно быть, а не того, что есть; это идеальныя представленія самого совѣтчика, его pia desideria, которыя всегда остаются выше дѣйствительности, и потому ни одна семья не могла будто-бы устроиться по идеалу Домостроя. Такъ мотивируетъ себя приведенное возраженіе.—Положимъ, что Домострой, имѣющій цѣлію образовать для государства наилучшаго христіанина, семьянина и гражданина, не представляетъ поразительно-вѣрной картины тѣхъ добрыхъ гражданъ, которыхъ дѣйствительно воспиталъ Сильвестръ по идеалу своего Домостроя, потому что идеалъ вполнѣ не осуществимъ; но такъ какъ идеалъ Домостроя не сказочный и романическій, а дѣйствительно—жизненный, историческій, такъ какъ главныя черты для него взяты изъ народной жизни, и изображенъ онъ былъ не для того, чтобы глядѣть и любоваться на него, а для того чтобы жить, и поступать по нему, и такъ какъ средства для исполненія его предлагались самыя обычныя и подручныя, отъ высокихъ нравственныхъ принциповъ спускавшіяся до очень обыденныхъ мелочей,—то въ Домостроѣ можно видѣть не только идеальныя желанія и представленія того, какъ и какихъ гражданъ должна была приготовлять, по его образцу, всякая семья, но какъ и какихъ она дѣйствительно давала ему, хотя, конечно, въ разной мѣрѣ и степени приближались ея питомцы къ своему идеалу.

Что касается второй части Домостроя, домашняго строенія, то, поставляя себѣ задачею водворить въ домѣ матеріальное благосостояніе, довольство, изобиліе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду улучшить матеріальное благосостояніе государства, которое слагается изъ того же частнаго матеріальнаго блага. Не въ духѣ ли это московскихъ государей, хозяевъ-скопидомовъ, которые накопленіемъ домашнихъ богатствъ обогатили государственную казну и увеличили матеріальныя силы государства? Дѣйствительно, мы видимъ здѣсь отдѣльные наказы о томъ, „како всякому человѣку, богату и убогу, велику и малу и приказному человѣку, смѣтя себя по государеву жалованью, по доходу и помѣстью, дворъ себѣ держати, и всякое стяжаніе и всякій запасъ“ *). Вслѣдъ за наставленіями „какъ и какія яства и питія

*) гл. 27.

приготовляти“ мы встрѣчаемъ внушенія и указанія, какъ домашнюю хату превратить въ мастерскую разныхъ золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ, пряденія тафты и камки *). При иныхъ домахъ Домострой хочетъ завести группу заводовъ (наприм., пивоваренныхъ) и мастерскихъ (желѣзныхъ, платейныхъ, сапожныхъ, кузнечныхъ, металлоплавильныхъ) **). Не попеченіе ли это о развитіи разнаго рода промышленности, искусствъ и ремеслъ, о чемъ заботится и что поощряетъ всякая государственная власть? И это—не случайное совпаденіе частныхъ заботъ и мѣропріятій съ правительственными. Какъ ни широко было участіе духовенства въ государственномъ строеніи, но (съ самаго появленія Русской правды) оно не выходило изъ области строго-нравственныхъ духовныхъ отношеній къ народу и правительству: ни прежде, ни послѣ оно не выступало на дѣло государственнаго строенія съ сочиненіями подобными Домострою. Другое дѣло теперь. Духовное лицо, ставшее во главѣ гражданскаго управленія, привыкшее дѣйствовать на массу убѣжденіями, хочетъ провести правительственныя мѣропріятія тѣмъ же нравственнымъ путемъ. Да какъ иначе было поступить благоразумному политику? Послѣ злосчастнаго опыта вызова въ Россію иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, правительству оставалось предоставить развитіе промышленности исключительно самому народу, склоняя и располагая его къ тому. Но это расположеніе возможно было не чрезъ искусственные государственные законы: грозный и повелительный топъ ихъ слишкомъ тяжелъ для частной мирной жизни; они остались бы мертвою буквою, пустымъ звукомъ для общества, да и само правительство, если не считать въ немъ Сильвестра, созрѣло ли для такихъ законодательствъ? Несравненно скорѣе должны были достигать своей цѣли частныя задушевныя наставленія, авторизованныя такимъ высокимъ лицомъ и имѣвшія религіозно-нравственную окраску. И вотъ не въ замѣнъ ли разныхъ строительныхъ торговыхъ и податныхъ уставовъ мудрый политикъ нашъ, строго соображаясь съ потребностями и средствами народа, обнародываетъ между прочимъ наставленія о томъ, „како домъ строити, или лавку, или анбаръ, или деревню ***), како всякій товаръ купити заморскій и изъ дальнихъ земель ****), како дворовое тягло платити и съ лавки позёмъ,

*) гл. 29.
**) гл. 32.
***) гл. 61.
****) гл. 40 и 41.

или съ деревни подать?“ Не въ духѣ ли администратора, любящаго порядокъ и приличіе въ костюмахъ, онъ предлагаетъ наставленія о томъ, „како что скроити“ и старается установить порядокъ и приличіе въ одеждахъ мужскихъ и женскихъ, не стѣсняя ихъ однакожъ формою, а больше заботясь объ убранствѣ ихъ *). Наконецъ, не съ административною ли цѣлію развитія въ народѣ огородничества, садоводства, скотопромышленности, лѣсной, заводской и другихъ отраслей промышленности излагаются указанія о томъ, „како огородъ и садъ водити **), животину всякую дома водити, пиво варити, медъ сытити и вино курити“ ***). Пусть всѣ эти наставленія и указанія не имѣютъ неизмѣнной точности и непреложной общеобязательности законовъ. Но... разные торговые и другіе мелкіе уставы нашего времени развѣ бо́льшую имѣютъ твердость, устойчивость и общепригодность? Они, такъ сказать, отстаютъ отъ идущей впередъ жизни и являются въ ней аномаліею, анахронизмомъ. Между тѣмъ Домострой со всѣми своими мелочными, утрированными предписаніями долго жилъ въ народной жизни; несмотря на крайнюю дороговизну переписки, то и дѣло былъ переписываемъ и, въ теченіе столѣтій, переходилъ изъ рукъ въ руки, какъ завѣтная священная хартія. Былъ ли Сильвестръ составителемъ, значительно исправившимъ, дополнившимъ и акклиматизировавшимъ на московской почвѣ новгородскій Домострой, или просто издателемъ и собирателемъ разрозненныхъ частей издавна ходившаго по рукамъ московскаго Домостроя, для насъ все равно; но то обстоятельство, что его произведеніе или изданіе такъ сочувственно принято было публикою и что народное сознаніе увѣковѣчило за нимъ имя Сильвестра, показываетъ, какъ мѣтко угадалъ онъ нужды и потребности общества, какъ широкъ, а главное благотворенъ былъ политическій планъ его, — широкъ и многообъемлющъ, какъ широки и многочисленны тѣ сферы и изгибы семейной и общественной жизни, которыя всѣ онъ улучшаетъ и усовершенствуетъ, чтобы преобразить и улучшить государственное зданіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что совѣты и правила своего Домостроя особенно изъ духовнаго строенія Сильвестръ внушалъ и самому Іоанну. И если бы царь XVI вѣка усвоилъ себѣ духъ Домостроя, отбросивъ его мелочи

*) гл. 30.
**) гл. 45.
***) гл. 42 и 47.

и частности, и его образецъ приложилъ къ государственному строенію, то онъ былъ бы идеаломъ своего вѣка, могъ бы стать виновникомъ благосостоянія и счастія своего народа. Если бы Іоаннъ правила религіозно-нравственнаго содержанія постоянно прилагалъ къ своей нравственности, отъ которой зависѣли или, по крайней мѣрѣ, съ которою тѣсно связаны всѣ поступки его въ области самодержавнаго правленія, то онъ навсегда остался бы трезвымъ, нравственнымъ, дѣятельнымъ и благодушнымъ государемъ, — идеалъ, до котораго хотѣлъ довести его Сильвестръ при помощи своихъ совѣтниковъ. Вліянію подобныхъ правилъ и внушеній въ духѣ Домостроя надо приписать обнародованіе Іоанномъ тѣхъ распоряженій, въ которыхъ видно желаніе дать народу какъ можно больше льготъ, свободы и средствъ къ благосостоянію.

Показавъ свѣтлыя стороны Домостроя въ его вліяніи на народъ и отчасти на самого царя, раскроемъ и тѣневыя его стороны, насколько онѣ нужны для нашей цѣли. Какое бы доброе дѣло ни указывалъ онъ, сейчасъ же, какъ руководящій мотивъ и конечная цѣль добра, выставляется и матеріальная его польза: „богатство въ дому, похвала отъ людей, благословеніе отъ священнаго чина и благоволеніе отъ Бога“. Самыя возвышенныя добродѣтели, всепрощающее, напримѣръ, терпѣніе, предлагаются, какъ средство для пріобрѣтенія тѣхъ же стихійныхъ благъ. Утилитаризмъ съумѣлъ здѣсь все небесное обратить на службу земного, все святое и идеальное пустить въ оборотъ на практикѣ матеріализма, чтобъ получить какъ можно больше процентовъ. Скромный, вѣжливый, мягкій, уступчивый утилитаризмъ, прикрывшись наружнымъ смиренномудріемъ, стремится лишь къ тому, чтобы обдѣлывать свои дѣла потихоньку отъ другихъ, рѣшая все келейно, у себя въ домѣ, и заботясь только объ одной гласности,—о доброй славѣ. Угодливость и заискиванья, основывающіяся на христіанской заповѣди, доведены до того, что позволяется бить своего слугу тогда, когда онъ правъ, лишь бы не было убытка и вражды. А къ чему, говорятъ, этотъ мрачный аскетизмъ и безконечный обрядовый формализмъ, превращающіе домъ въ монастырь и воспитывающіе однихъ пустосвятовъ, ханжей?...

Такое смѣшеніе небеснаго съ земнымъ, духовнаго и идеальнаго съ мірскимъ обыденнымъ не набрасываетъ ли тѣни на свѣтлую личность Сильвестра, какъ человѣка и политика, не придерживается ли онъ въ тихомолку іезуитской политики, и не разрушаетъ ли онъ одною рукою то, что созидалъ другою? Нѣтъ, въ приведенной теоріи нѣтъ ни малѣйшей лжи, лукавства и двоедушія, ни малѣйшей при-

мѣси политики іезуитизма. Іезуитизмъ не знаетъ ни дружбы, ни вѣрности, ни чести; онъ даже готовъ отказаться отъ Бога, если чрезъ это хоть на шагъ подвинется съ своей цѣли; но здѣсь въ Домостроѣ дружба, вѣрность и честь возведены въ перлъ, въ идеалъ, служатъ оплотомъ общественной и частной нравственности; искреннее благочестіе и набожность началомъ и концемъ ея. Для іезуитизма нѣтъ ни семьи, ни дома, ни отечества; іезуитъ можетъ быть фанатикомъ и вольнодумцемъ, моралистомъ и обманщикомъ, гуманистомъ или благодѣтелемъ и хладнокровнымъ безпощаднымъ мстителемъ или убійцею; ничего похожаго на такой развратъ мысли, такой космополитизмъ и попраніе нравственнаго чувства нѣтъ въ Домостроѣ. Его мораль не есть сознательная эксплуатація іезуитизма, не разбирающая никакихъ средствъ, а искреннее смиренномудріе, пассивный скромный протестъ неудовлетвореннаго личнаго и общественнаго чувства, ищущаго какъ бы получше устроиться дома и въ обществѣ. Это русское смиренномудріе было такимъ же протестомъ и реакціею противъ русскаго кулачнаго права и грубости, какимъ были рыцарство и пѣсни трубадуровъ противъ грубости, чувства и обычаевъ тогдашней Европы. Разница въ томъ, что рыцарскій протестъ шелъ путемъ отрицаній, разрушеній, былъ ересью, подкапывавшею основанія католицизма, тогда какъ русскій протестъ вступаетъ на путь примиреній, уступокъ, успокоиваетъ себя не лирою и пѣснею романтизма, а религіозными думами и упованіями, опирается на христіанскую мораль, хотя больше придерживается плѣняющей воображеніе христіанской внѣшности и обрядности, добродушно полагая, что онъ вмѣстѣ сохраняетъ христіанскую сущность. Причины такого расположенія и настроенія нашего протеста были самыя естественныя, исторически-необходимыя. Среди царившаго всюду кулачнаго права, насилія и произвола успѣшная борьба за свое нравственное и матеріальное существованіе и положеніе въ обществѣ возможна была однимъ путемъ—уступкою. Одна уступка приноситъ выгоду, только ею смягчается сила и лихой человѣкъ не дѣлаетъ лиха. Въ удаленіи отъ зла и семейномъ лишь особничествѣ оказывается надежное убѣжище отъ повсюдной вражды и злобы. Оттого въ уютной семьѣ появляется аскетизмъ въ мягкой формѣ, не запирающій человѣка въ монастырь, а собственный домъ превращающій въ монастырь, откуда семьянинъ робко выступаетъ на общественную и государственную дѣятельность не за тѣмъ, чтобы эксплуатировать другихъ, а лишь бы самому не быть эксплуатируему другими.

Задняя мысль, личный расчетъ, которые приплетаются сзади семейно-общественной морали Домостроя, объясняются тою же невольною

данью его духу времени и потребностямъ общества. Когда съ одной стороны ощущался невыносимый гнетъ, и не видно было никакого другого права, никакого общественнаго отношенія, кромѣ удовлетворенія себя на счетъ другого, а съ другой, когда христіанская нравственность запрещала всякое насиліе, всякій активный протестъ и требовала душу свою отдать за ближняго, и когда наконецъ практика говорила, что единоличная борьба безплодна, тогда общественная мораль въ какой иной формѣ могла явиться, какъ не въ формѣ компромисса, который спасаетъ и интересъ лица и во имя того же интереса заставляетъ дѣлать добро такъ, чтобы сдѣлаться угоднымъ Богу и людямъ. Но если бы Домострой не сдѣлалъ ни одной внѣшней уступки изъ строгой христіанской морали, то, при тогдашней жесткости и грубости нравовъ, никто не послушалъ бы этого „слова жестока“. Не нужно забывать, что гражданскіе законы нашего времени, берущіе себѣ принципы изъ христіанства, значительно ослабляютъ ихъ у себя примѣнительно къ духу времени и обычаямъ общества, и иногда дозволяютъ то, что рѣшительно возмущаетъ нравственное чувство. Но развѣ лучше было бы, если бы нашъ общественно-семейный законодатель (Домострой) вмѣсто уступокъ и соглашеній обратился къ чувствамъ разрушенія и борьбы? Живой примѣръ на это католицизмъ. Не извѣстно, имѣлъ ли католицизмъ свой Домострой, и какъ онъ думалъ въ практической жизни примирить небо и землю, душу и тѣло; извѣстно то, что католицизмъ, давшій Европѣ жизненное содержаніе, сообщилъ среднимъ вѣкамъ и даже новому времени воинственный характеръ: повсюду слышишь его воинскій кличъ, его призывъ на брань, точно онъ служитъ неумолимому Іеговѣ, а не всепрощающему Богу христіанскому; повсюду онъ организуетъ возстанія противъ свѣтской власти. И что же? Подавленному личному чувству вѣрующихъ нисколько не становилось оттого легче, отъ общественнаго гнета неурядицъ они не облегчены. У насъ же, когда христіанство и государство дѣйствуютъ заодно, когда (чрезъ духовное лицо, поставленное во главѣ свѣтскаго правленія) христіанская мораль дѣлаетъ незначительную уступку духу времени и обычаямъ общества, результаты достигаются болѣе утѣшительные. Совсѣмъ не то становится и у насъ, когда явился на нашей почвѣ свой Гильдебрантъ въ лицѣ патріарха Никона, — единственнаго лица изъ нашей исторіи, который по гражданскому своему полномочію можетъ быть поставленъ въ параллель съ Сильвестромъ, и по тому же полномочію и непреклонности характера съ нимъ. Никогда неудовольствіе народа не было такъ велико, никогда не было такого разъединенія между высшими и низшими, никогда гнетъ не доходилъ до такого

размѣра: вотъ что значитъ не знать никакихъ соглашеній и уступокъ! Безъ нихъ великій государственный мужъ, высокій подвижникъ и первосвятитель, помимо собственнаго памѣренія производитъ расколъ да вражду, о которые разбиваются самые лучшіе политическіе его идеалы. При сравненіи съ этою замѣчательною личностію, за нашимъ государственнымъ мужемъ, державшимся политики примиренія и уступокъ, тѣмъ болѣе должно быть признано заслугъ, чѣмъ удачнѣе и спокойнѣе достигала она своихъ цѣлей, чѣмъ охотнѣе ея мѣропріятія принимались общественною средою.

Но это кроткое смиренномудренное примиреніе противоположностей личности, стремившейся къ свободѣ, съ гнетомъ царившей кругомъ неурядицы, личной и матеріальной могло быть больше внѣшнимъ, безъ рѣзкихъ потрясеній установившихся государственныхъ порядковъ. Можетъ быть Сильвестръ готовъ былъ стать на высшую точку зрѣнія, и додумался самъ до того же, до чего и гуманистъ его вѣка Башкинъ, который освободилъ всѣхъ своихъ кабальныхъ, (потому что дочитался, что это хорошо), и съ которымъ онъ ничего болѣе не имѣетъ общаго; но идеи равноправности и равнаго достоинства людей никому, кромѣ самихъ немногихъ избранныхъ, не были доступны. Весь государственный и общественный строй держался на идеи рабства, кабалы, продажи, закрѣпленія и эксплуатаціи. Возставать противъ этого порядка вещей и развивать свои завѣтныя думы значитъ придти къ соціальной революціи и въ концѣ концовъ все-таки претерпѣть полнѣйшее пораженіе. И вотъ практическая мудрость находитъ безобидный для всѣхъ компромиссъ,—освящаетъ существующую практику, связываетъ человѣка смиренномудріемъ извнѣ, обѣщая за то матеріальную выгоду, закрѣпляетъ, хотя и облагораживаетъ, принципъ всеобщаго послушанія и уступки.

—

Но предъ нами стоитъ еще вопросъ: какимъ образомъ Сильвестръ могъ примирять столь противоположные интересы и партіи, и при незначительности средствъ достигать такихъ громадныхъ результатовъ, съ помощію наприм. Домостроя своего перестроитъ семью и общество и обновить государственное зданіе въ его первоначальной основѣ; въ силу какого магическаго обаянія высокія его идеи всюду проникали: въ мирную семью и оффиціальныя сферы, на верху, при дворѣ и области церкви? Чтобъ, по возможности, разрѣшить этотъ вопросъ и чтобъ оцѣнить чистоту побужденій и цѣлей, и безукоризненное съ нравственной точки достоинство его политики, ея характера и направленія, надобно очертить личный нравственный его характеръ. Источникомъ для этой

характеристики служитъ (составляющее послѣднюю главу Домостроя) поученіе Сильвестра къ сыну его Анфиму. Въ поученіи этомъ или вѣрнѣе завѣщаніи, очень напоминающемъ собою завѣщаніе Мономаха, Сильвестръ обнаруживается весь, какъ въ зеркалѣ, потому что завѣщаніе его—завѣтное слово искренней души къ нѣжнолюбимому сыну излившееся въ тотъ моментъ, когда она представляла себя разлучавшеюся съ здѣшнимъ міромъ и когда поэтому она чувствовала потребность раскрыться и высказаться во всей полнотѣ и откровенности; словомъ, это—предсмертная семейная исповѣдь. (Общензвѣстность этого завѣщанія заставляетъ насъ быть особенно краткими въ изложеніи его содержанія). О. Сильвестръ благочестивъ и набоженъ до того, что домъ его сдѣлался домашнею церковію, настоящимъ монастыремъ. Совѣтникъ и сотрапезникъ царя, онъ былъ собесѣдникъ и утѣшитель всѣхъ скорбящихъ и гонимыхъ, другъ и питатель всѣхъ нищихъ и бѣдныхъ, открывавшій и въ домѣ своемъ всегдашній пріютъ для всѣхъ несчастныхъ и разыскивавшій ихъ, подобно древнему Товиту, по улицамъ, въ темницѣ, въ домахъ, въ торгу, на пути и въ церкви. Любитель церковнаго чина, посѣтитель всѣми чтимыхъ святынь, онъ чуждъ былъ монашескаго затворническаго благочестія, паломничеству и умерщвленію плоти предпочиталъ дѣла любви и благотворительности, вкладамъ въ монастыри и церкви—жертвы на благотворительныя учрежденія. Трезвъ, воздержентъ, искренекъ, правдивъ, незлобивъ, какъ ангелъ,—истинный исполнитель евангельской заповѣди о любви ко врагамъ! Добрый семьянинъ, вѣрный супругъ, прекрасный отецъ, отличный хозяинъ, онъ умѣетъ всю семью и прислугу занять постояннымъ почти дѣломъ, по возможности отыскать для нихъ невинныя и пріятныя развлеченія, устроить полезныя знакомства. Но, что всего замѣчательнѣе, истинный гуманистъ, какихъ поискать было на Западѣ, онъ, предупреждая, такъ сказать, время, сознаетъ мерзость рабства и самъ лично отрѣшился отъ владѣнія рабами. И не только свои рабы отпущены имъ на волю, превосходно устроены, водворены, но и чужихъ рабовъ, плѣнныхъ и должниковъ онъ выкупаетъ изъ неволи и также прекрасно водворяетъ. Этого мало: для тысячи сиротъ и бѣдняковъ домъ его служилъ воспитательнымъ и странно-пріимнымъ заведеніемъ, школою ремеслъ, искусствъ, промышленности и торговли, грамотности и науки, поставлявшею для государства лучшихъ дьяковъ, подьячихъ и всякихъ чиновъ, для церкви священниковъ и діаконовъ. И сколько при этихъ воспитательныхъ трудахъ понесено лишеній и жертвъ, сколько нравственныхъ потрясеній и пытокъ! Но никто отъ него не слыхалъ про то, а зналъ все одинъ Богъ и „все исполнилъ!“

А гостепріимство и страннопріимство, „жившее на сосѣдствѣ и съ знакомыми о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ“ и всякой безкорыстной ссудѣ, не скупившееся на поминки (подарки) недорогіе, при отправленіи въ гости, и не жалѣвшее для своего гостя никакого „питейца добраго“! Кому еще удастся такъ уклониться отъ всякой ссоры и свары „на пиру, въ торговлѣ, на пути“, предотвратить всякое неудовольствіе изъ-за ссоры слугъ, не запутать ни съ кѣмъ никакихъ сплетней и распутать тѣ, въ которыя невольно вплетаетъ насъ людская молва и злоба, всѣмъ упоровить, всѣмъ угодить? Кто, наконецъ, съумѣетъ при обширныхъ такихъ хозяйственныхъ и торговыхъ сношеніяхъ съ отечественниками и чужестранцами, въ теченіе цѣлыхъ 40 лѣтъ, обойтись безъ суда и тяжбы, „безъ остуды и кручины, все помирить хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣньемъ, да милою ласкою?“ Вотъ свѣтлый идеальный образъ личности Сильвестра, какъ онъ самъ изображаетъ его предъ сыномъ! Присоединимъ сюда умственное превосходство его предъ всѣми, отнюдь однакожъ не засматривающееся на свои достоинства, любезную общедоступность его для всѣхъ, нисколько не тщеславящуюся своимъ высокимъ положеніемъ, увлекательный даръ слова, мастерское умѣнье придать самой обыкновенной рѣчи глубокій, живой интересъ и религіозно-нравственный колоритъ,—и намъ понятно будетъ, почему современники вѣрили въ высшее благодатное его помазаніе и каждое слово его считали священнымъ, почему идеальная личность его предносилась предъ всѣми, какъ завѣтная святыня, предъ которою все, что было честнаго и непредубѣжденнаго, преклонялось, молилось, почему, говоря безъ всякой образности, всѣ склонялись предъ его воззрѣніями и убѣжденіями, жили и поступали по нимъ.

Какъ честна и безукоризненна была собственная его придворная служба и вся политическая дѣятельность, о томъ онъ не высказывается прямо, но о томъ говоритъ образъ жизни и отношеній его къ другимъ, о томъ говорятъ прекрасныя задушевныя наставленія, которыя онъ даетъ своему сыну относительно служебныхъ его обязанностей: „чадо мое единородное и любимое, пишетъ онъ въ томъ же предсмертномъ завѣщаніи, со слезами молю тя: Господа ради памятуй царское наказаніе, како послужити (на службѣ онъ состоялъ въ царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ); служи вѣрою да правдою, безо всякія хитрости и безо всякаго лукавства; во всемъ государскомъ другу не дружи, недругу не мсти, и волокита бы людемъ ни въ чемъ не была; все бы у тебя государское было въ счетѣ, и въ смѣтѣ, и въ письмѣ, и приходъ и расходъ. Къ казначеемъ буди послушенъ, съ товарищами со-

вѣтенъ, а къ подъячемъ и мастеромъ и сторожѣмъ грозенъ и любовенъ, и ко всѣмъ людемъ привѣтенъ". Далѣе заповѣдуется судъ творити скорый, правый и милостивый, быть другомъ и утѣшителемъ несчастныхъ и т. п.—Не знаемъ, каковъ былъ сынъ, выполнилъ ли онъ эти прекрасныя наставленія, а отецъ былъ образецъ служебной честности, исполнительности, аккуратности, обходительности. О строго-нравственномъ направленіи политической дѣятельности Сильвестра, о величіи началъ, высотѣ цѣлей и разборчивости средствъ, о прекрасныхъ отношеніяхъ его къ служилымъ людямъ свидѣтельствуютъ отысканныя въ бывшей библіотекѣ Новгородскаго Каѳедральнаго собора (въ рукописномъ сборникѣ конца XVI вѣка) посланія его къ казанскому воеводѣ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову *). По важности этой находки, обратимъ на нее особенное вниманіе.

Шуйскій-Горбатовъ былъ одинъ изъ безчисленныхъ почитателей Сильвестра. Въ первый же годъ по назначеніи своемъ (въ концѣ 1552 г.) въ казанскіе воеводы, этотъ „благочестивымъ царемъ прославленный и всѣми людьми удивляемый по достоинству прародительства своего, а наипаче по своему благодарованному разуму" князь-намѣстникъ смиренно просилъ у Сильвестра какъ духовныхъ совѣтовъ, такъ еще болѣе административныхъ указаній и наставленій, просилъ не для себя только, но и для всѣхъ подчиненныхъ ему властей и частныхъ людей **). Сильвестръ подъ скромнымъ именемъ пастырскаго посланія шлетъ цѣлую политическую программу какъ бившему челомъ князю, такъ и всѣмъ государскимъ воеводамъ, совѣтникамъ главнаго воеводы, священному чину, христоименитому стаду и т. д. Что же это за программа, каковы ея духъ, цѣль?

Какъ подобаетъ истому патріоту и слугѣ царскому, воспѣвъ достойный панегирикъ царю и изъяснивъ, что главною цѣлію политики государя по отношеніи къ только что завоеванному бусурманскому царству и вмѣстѣ проводникомъ цивилизаціи для него должна служить религія, Сильвестръ внушаетъ представителю царской власти въ краѣ вѣрно служить высокому этому религіозно-политическому плану. Избѣгая всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла воеводскаго

*) Христіанское Чтеніе за 1871 г., мартъ, стран. 1—40.

**) Замѣчательно, князь-воевода обращается за указаніями не къ митрополиту и не къ высшему гражданскому сановнику, а къ протоіерею Благовѣщенскаго собора: значитъ этотъ смиренный пастырь въ глазахъ народа стоялъ выше всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, всѣхъ затмѣвалъ своими талантами и заслонялъ полномочною властію.

управленія, которое (вмѣшательство) могло бы набросить тѣнь, пылинку на свойственныя священному сану отношенія къ другимъ, и предоставляя воеводѣ дѣйствовать „по царскому наказу и благодарованному своему разуму“, Сильвестръ старается придать его распоряженіямъ и мѣропріятіямъ нравственную силу и устойчивость, проникнуть и одухотворить ихъ религіозными началами: „ты же, любимче велемудре и благопослушне, проси у Бога, чтобъ Онъ даровалъ тебѣ храбрость Іисуса Навина, кротость Давида, мудрость Соломона, терпѣніе Іовле, страннолюбіе Авраамле, смиреніе самого Христа“. Между прочимъ предостерегаетъ отъ господствовавшаго недуга сребролюбія и взяточничества: „сребролюбивый князь Бога не боится, святителей не чтитъ, чадъ не жалуетъ, челяди не милуетъ и своего живота не управитъ“. Начерчивая такимъ образомъ возвышенный идеалъ князя по сердцу Божію, провозвѣстника и устроителя въ земномъ царствѣ царства Божія, пастырь-политикъ вмѣняетъ воеводѣ въ непремѣнную обязанность наблюдать, по изданной соборомъ книгѣ правилъ, за церковнымъ благочиніемъ и поведеніемъ священнослужителей. Иные хотятъ видѣть здѣсь захватъ чужихъ правъ, разрѣшаемый будто бы по собственной склонности Сильвестра къ всевозможнымъ захватамъ. Напрасно: чрезвычайное полномочіе это вызвано чрезвычайными обстоятельствами, тѣмъ, что въ Казани въ это время не было правильно-организованнаго церковнаго управленія, не было ни поповскаго старосты, ни епископа *).

Но если Сильвестръ расширяетъ права гражданской власти на счетъ правъ духовенства, то въ свою очередь и духовенству онъ предоставляетъ высокое право печалованія, заповѣдуетъ ему „молити и всячески увѣщевати земныхъ властей о побѣдныхъ, и о повинныхъ, и объ обидимыхъ, аще же не послушаютъ ино обличити и запретити, якоже и Златоустъ Иванъ пострада за вдовицу“. Въ наставленіяхъ Сильвестра воеводамъ, судіямъ и стратилатскимъ чинамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы посаженные имъ на свои мѣста чины постарались вознаградить его личнымъ угодничествомъ или служеніемъ въ духѣ партіи, нѣтъ и тѣни личныхъ корыстныхъ счетовъ, искательствъ и интригъ. Но будь за нимъ подобные грѣшки, (которые невѣдомо откуда такъ любятъ откапывать писатели пессимистическаго направленія),—они непремѣнно высказались бы въ тонкихъ полунамекахъ или съ ихъ, или съ его стороны. Случай для того былъ самый

*) Посланіе писано въ концѣ 1552 г.

удобный. Князь-воевода и всѣ подручныя ему власти, въ благодарность за свое возвышеніе готовые все сдѣлать для своего патрона, просятъ и ждутъ его указаній; но, зная чистоту и прямоту образа дѣйствій его, возвышенность и благородство его характера, не смѣютъ и заикнуться о какихъ-либо сдѣлкахъ съ нимъ, хотя сами, можетъ быть, не прочь тайкомъ отъ него преслѣдовать личныя свои цѣли. А онъ? Всемощный министръ юнаго государя, онъ является предъ ними въ скромной роли пастыря-учителя, человѣкомъ не отъ міра сего, дѣйствующимъ въ мірѣ во имя своего великаго принципа; его принципъ—все, а самъ онъ ничто! И какъ безмѣрно возвышается онъ надъ тѣми политическими дѣятелями, которые поставляютъ себѣ главною задачею перехитрить всѣхъ и какъ бы самихъ себя, которые, прикрывшись именемъ религіи, выступаютъ на арену политическихъ страстей, всевозможныхъ интригъ и вмѣсто обѣщаемаго мира и порядка вносятъ лишь раздоръ и нестроеніе! Стоя выше всѣхъ партій и политическихъ страстей, нашъ политикъ слѣдитъ неусыпно за всѣми недостатками и нестроеніями, доискивается до ихъ нравственнаго первоначальнаго источника и принимаетъ противъ нихъ не внѣшнія, палліативныя мѣры, но внутреннія, моральныя, стараясь вырвать зло въ самомъ корнѣ. У него и рѣчи нѣтъ о тѣхъ мелочныхъ полумѣрахъ, бюрократическихъ предписаніяхъ, въ которыхъ одинъ фразы, посулы, либо угрозы и ничего руководящаго, устойчиваго, и отъ которыхъ на дѣлѣ такъ же скоро отказывается сама законодательная власть, какъ скоро измыслила ихъ въ кабинетѣ. Нѣтъ тутъ ничего похожаго на ломку и перетасовку мѣстъ, чиновъ, на резонирующее разъясненіе обязанностей подчиненныхъ. Никого онъ не вертитъ, не поправляетъ, не задергиваетъ, не регламентируетъ, а, входя въ духъ обязанностей должностныхъ лицъ, старается поставить ихъ на высотѣ ихъ призванія, обращая ихъ дѣятельность на предметы наивысшей важности и предостерегая ихъ отъ тѣхъ пороковъ, съ которыми онъ борется внутри царства, но которые запосятся и въ новыя окраины государства. И какъ все у него мудро, кротко и честно? Все во имя Бога, религіи, въ духѣ религіозно-политическаго идеала! То и дѣло взываетъ онъ къ православному патріотическому чувству, подымая знамя вѣры и народности предъ безчисленными инородцами и иновѣрцами на недосягаемую высоту. Въ томъ и достоинство его политики, что въ его время, въ его положеніи, когда онъ могъ располагать средствами самыми неразборчивыми, употребить натискъ внѣшней грубой силы и безграничнаго произвола, онъ не только не ополчается мѣрами репрессивными, но (какъ и въ наставленіяхъ къ са-

мому князю) сторонится отъ всякаго вмѣшательства въ чуждыя права и дѣла; съ нѣжностію отца напоминаетъ, умоляетъ, убѣждаетъ, никого даже не обличаетъ. Выдвинутый силою событій и своими талантами на верхъ могущества и славы, онъ какъ бы самъ не радъ своему возвышенію; къ нему власть идетъ сама, предъ нимъ все смиряется, ищетъ его руководства, а онъ бѣжитъ отъ предоставляемой чести, и, вѣрный своему призванію свѣтить міру свѣтомъ высшихъ неземныхъ идей, онъ какъ самого царя, такъ и обращающихся къ нему властей хочетъ вести по пути добра, хочетъ, чтобы всѣ одушевлены были тѣми животворными высоко-нравственными началами, которыхъ носителемъ является онъ самъ, чтобы въ отправленіи обязанностей всякаго званія царилъ нравственный элементъ. Выписываемъ нѣсколько мѣстъ изъ посланія Сильвестра, въ которыхъ вѣетъ этотъ умиляющій и проникающій до глубины души духъ морали: „промышляйте, пишетъ онъ городскимъ воеводамъ, о благодарованномъ градѣ семъ и о прочихъ градѣхъ, печалуйтеся объ общемъ народѣ, печалуйтеся о странахъ и селахъ Господняго ради страха, всякимъ сообщеніемъ, и миромъ, и любовію, и совѣщаніемъ, работающе благовѣрному царю нашему по всей волѣ его и по повелѣнію его, еже о людѣхъ общія пользы: понеже бо отъ невѣрныхъ мнози суть борющіеся и сопротивляющіеся и обидящіи насъ“. Судей множествомъ искусно подобранныхъ мѣстъ писанія убѣждаетъ творити судъ правый, нелицепріятный и немздоимный, „чтобъ не было сраму отъ невѣрныхъ“, и дѣлаетъ предостереженіе весьма необходимое для того и очень неизлишнее и для нашего времени: „сильніи и властителіе да не пьютъ и да не забудутъ премудрости и не возмогутъ право судити худыхъ“. Воиновъ поучаетъ никого не обижать, не обманывать, быть довольными царскими дарами и уроками, жить отъ своихъ праведныхъ трудовъ и стяжаній: „наипаче же въ нынѣшнее время, господіе мои, сугубы труды подвиговъ вашихъ полагайте и чистоту тѣлесную вельми храните: чистотою бо воины на ратѣхъ храбрѣ показуются и сопротивнымъ страшни“. Предостереженія самыя благовременныя особенно въ виду того, что воины позволяли себѣ въ покоренной странѣ насилія, грабежъ и развратъ съ черемиссками, „ихже ради многіе и брады своя клали подъ бритвы“. Собирателямъ царскихъ даней, которые, подобно древнимъ мытарямъ, дозволяли себѣ самоуправство, истязанія и собирали больше въ свою пользу, даетъ наставленія „не брать больше надлежащаго, ни кого не обижать, ни у кого ничего не отымать“.

Благопопечительная заботливость и зоркая дальновидность нашего пастыря-политика простираются гораздо далѣе оффиціальныхъ

сферъ. Торговымъ людямъ, которые извнутри Россіи нахлынули во вновь завоеванный край, и, прибравъ здѣсь къ рукамъ всю торговлю, превратили ее въ монополію и обманъ, онъ претитъ страшнымъ судомъ Божіимъ и умоляетъ „не имѣть двухъ мѣрилъ малыхъ и великихъ, но учредить мѣры, купли и мѣрила правыя, ихъ же положиша отцы, не уповать на неправды и восхищенія". Весь христоименитый народъ (простой людъ) убѣждаетъ къ повиновенію властямъ, „къ исправленію житія и чину прибытка", богатыхъ, бѣдныхъ, мужей и женъ, дѣвъ и вдовицъ—всѣхъ съ нѣжною отеческою заботливостію наставляетъ, предостерегаетъ, умоляетъ, всѣхъ призываетъ къ великой религіозно-гражданской миссіи доброю жизнію, молитвами и увѣщаніями споспѣшествовать тому, чтобъ всѣ агаряне, черемисы составили „единомышленное гражданство, единое стадо и единую паству Христову". Такъ здѣсь все свято, возвышенно, идеально! Если бы не были извѣстны намъ поводъ и цѣль написанія посланія, (зачѣмъ бы безъ политическихъ цѣлей посылать въ такую даль къ людямъ всякаго званія свои совѣты и наставленія; зачѣмъ именно къ нему, а не къ другому обращаются за указаніями?) то можно было бы подумать, что это есть отвѣчающее на всѣ потребности времени и исполненное высокаго благочестія пастырское посланіе. Тѣмъ не менѣе политическая его сторона, какъ ни глубоко пропикнута она религіознымъ духомъ, очевидна; политическія черты изъ подъ религіозной окраски проглядываютъ очень ясно.

Разобранное посланіе, этотъ прекрасный памятникъ авторства и политики Сильвестра и самую политическую дѣятельность иные, пожалуй, обзовутъ идиллическою мечтою, утопіею, совершенно излишнею тамъ, гдѣ, по просьбѣ новыхъ неопытныхъ властей, слѣдовало бы указать имъ дѣйствительныя мѣры, какъ справиться съ тѣми или другими трудностями и злоупотребленіями. Но.. для этихъ частныхъ нескончаемыхъ подсказокъ и указокъ есть второстепенныя власти, а для полномочнаго наставника, „праваго ока царя" важнѣе всего то, что онъ неусыпно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣется въ отдаленной окраинѣ, и что мѣропріятія его для благоустроенія края исходятъ отъ верховной самодержавной власти и св. религіи, въ которой эта власть обрѣтаетъ для себя единственную незыблемую опору. И, если нравственныя начала не мечта и утопія, а единственныя неколебимыя основы и истинно животворная сила государства, безъ которой внѣшнія искусственныя учрежденія суть одинъ остовъ безъ духа и жизни и всѣ административные наказы—одинъ жалкій тормазъ, то и опирающаяся на этихъ жизненныхъ началахъ политика Сильвестра должна быть

охарактеризована не какъ идиллическая мечта и утопія, но какъ сила зиждущая и организующая: его слово, какъ слово царское, (потому что утверждалось церемъ), было законъ и законъ не простой, но съ высшею санкціею и потому плодотворный, непреложный. Вотъ въ чемъ величіе политической дѣятельности Сильвестра, достоинство ея принциповъ, цѣлей и средствъ.

—

Мы коснулись всѣхъ великихъ реформъ Іоаннова царствованія, приписывая инициативу ихъ Сильвестру, оцѣнили, по возможности, значеніе этихъ реформъ, истинное достоинство, начала, цѣли и средства политической его дѣятельности, но до сихъ поръ мы вращались въ дѣлахъ внутренней политики, хотя подъ конецъ стали незамѣтнымъ образомъ вторгаться и въ область внѣшней политики. Остановимся въ этой послѣдней области. Самыми знаменитыми дѣлами внѣшней политики разсматриваемаго времени были покоренія царствъ Казанскаго (1552 г.) и Астраханскаго (1556 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что славныя эти дѣла занимали не послѣднее мѣсто въ политическихъ планахъ и дѣяніяхъ Сильвестра: онъ хорошо понималъ и оберегалъ интересы государства, зорко слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ чужихъ государствахъ, искусно пользовался обстоятельствами времени и всевозможными случайностями. Сознать во время необходимость войны, привить ее къ общественному сознанію, придать ей въ глазахъ народа значеніе священнаго подвига, крестоваго похода, поднять духъ войска, воодушевить народъ къ всевозможнымъ жертвамъ, подвигнуть царя стать во главѣ общественнаго воинскаго движенія—это также Сильвестрово дѣло. Но въ самыхъ воинскихъ походахъ, въ составленіи стратегическихъ плановъ, въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ онъ не могъ принимать непосредственнаго участія. Возьмемъ наприм. Казанскую войну. О построеніи города Свіяжска (въ 1550 г.), который имѣлъ весьма важное значеніе въ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ инородцевъ, хлопочетъ больше всего Алексѣй Адашевъ. Посажденіемъ въ Казань Шигъ-Алея въ качествѣ московскаго подручника, упроченіемъ его положенія чрезъ голову Черемисинова, потомъ низведеніемъ Шигъ-Алея и посажденіемъ на его мѣсто князя Микулинскаго (съ цѣлію постепеннаго втягиванія Казани въ систему непосредственныхъ владѣній Россіи) занятъ тотъ же Адашевъ *). При взятіи Казани, самое важное дѣло, которое должно было рѣшить судьбу

*) Послѣднее распоряженіе принадлежитъ больше самому Іоанну.

сраженія, устройство тайнаго подкопа, совершаетъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ размысломъ опять Адашевъ. По взятіи Казани, чтобы пріучить къ повиновенію разнородныя сосѣднія племена, всѣ „премудрые и разумные“ (бояре Сильвестрова кружка) совѣтуютъ Іоанну остаться въ Казани на всю зиму, по „мудрые“ совѣтники не спрашиваются Сильвестра, (его вовсе не видно въ Казани). Дипломатическіе походы противъ Астрахани предпринимаетъ Адашевъ... Потому только, что здѣсь отличаются друзья и сторонники Сильвестра, а преимущественно первый его другъ и совѣтникъ А. Адашевъ, мы не имѣемъ права вручать пальмы первенства ихъ вождю: это ихъ спеціальное дѣло, въ которомъ они знали гораздо больше его, хотя поступали не безъ его вѣдома и согласія. Равнымъ образомъ какое бы важное значеніе ни имѣло покореніе Казани для обезопасенія государства извнѣ, для мирнаго развитія его культуры, для движенія русской колонизаціи вплоть до Вятки и Перми, до Камы и Дона, для торжества христіанства надъ магометанствомъ, Европы надъ Азіею, наконецъ, какими бы выгодами ни сопровождалось завоеваніе Астрахани, передававшее московской державѣ огромныя степи Поволжья и все теченіе Волги, открывшее ей цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ, — но первый вѣнокъ за всѣ важныя по этимъ послѣдствіямъ побѣды не смѣемъ подносить первому тогдашнему правителю царства Сильвестру: тотъ же дипломатъ Адашевъ и всѣ „мудрые и разумные“ не хуже его могли предвидѣть всѣ эти послѣдствія и повести дѣло навѣрнякъ, (наприм., съ Астраханью могъ справиться одинъ голова Черемисиновъ, покорившій ее въ 1556 г.). Сильвестру, по всѣмъ историческимъ памятникамъ, принадлежитъ честь мудраго умиротворенія, внутренней организаціи завоеванныхъ областей: какъ сейчасъ мы видѣли, отъ него наприм. исходили кроткія и разумныя мѣры для распространенія въ Казани русской народности, цивилизаціи, религіи. Очень вѣроятно, что по его убѣжденію крестились многіе изъ покоренныхъ князей казанскихъ, а также ногайскихъ и прикавказскихъ, которые съ женами и семействами толпами шли въ холопы русскаго государя и увеличили собою число татарскихъ родовъ въ московскомъ боярствѣ. Религіозно-политическая мѣра эта была очень важна для искорененія въ покоренныхъ князьяхъ всякихъ сепаративныхъ стремленій. Но вотъ открылась ненавистная для Сильвестра Ливонская война. Онъ считалъ ее преждевременною. По его мнѣнію, слѣдовало прежде усвоить западную культуру, стать лицомъ къ лицу съ просвѣщенною Европою, а потомъ уже „задирать“ Ливонію. Онъ рѣзко осуждалъ эту войну за чрезчуръ варварскій способъ веденія ея, за истребленіе старыхъ и

малыхъ, за безчеловѣчныя муки надъ нѣмцами, совершаемыя татарами, распущенными по Ливонской землѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея, и называлъ Ливонію „бѣдною обижаемою вдовицею“. При чрезвычайной своей популярности, онъ сдѣлалъ эту войну крайне непопулярною. Хотя и здѣсь отличались преимущественно друзья Сильвестра, Даніилъ Адашевъ и Курбскій, хотя, исполняя долгъ службы, они своими подвигами рѣшали ее въ пользу Москвы, и Алексѣй Адашевъ съ несомнѣнною пользою для Россіи велъ всѣ переговоры съ ливонскими послами, какъ при открытіи войны, такъ и при всѣхъ перемиріяхъ, но все дѣлалось противъ желанія и убѣжденія. Въ самый рѣшительный для войны годъ (1558), когда Ливонія задумала отдаться подъ покровительство Польши, а Сильвестръ хотѣлъ всѣ силы Россіи двинуть на Крымъ, (который отъ голода, мора и внутреннихъ усобицъ чрезвычайно обезсилѣлъ и никогда, даже въ XVIII вѣкѣ, не представлялъ такой легкой добычи для нашего завоеванія), нерасположеніе войска къ Ливонской войнѣ дошло до того, что у всѣхъ опустились руки. Курбскій и Даніила Адашевъ, получившіе отъ царя повелѣніе какъ можно скорѣе выступать въ походъ (изъ Пскова къ Ренгазу и Сыренску), тронулись съ мѣста только послѣ семи царскихъ указовъ *). Самъ Алексѣй Адашевъ, посланный съ войскомъ въ Ливонію, провелъ цѣлое лѣто въ бездѣйствіи, а выступивъ въ походъ глубокою зимою, погубилъ множество людей. Духъ войска упалъ до того, что многочисленные полки обращали тылъ предъ непріятелемъ въ нѣсколько разъ слабѣйшимъ **), и только чрезъ два года (въ 1560), когда общественное мнѣніе нѣсколько примирилось съ необходимостію веденія непріятной войны, неудачи эти поправлены рядомъ новыхъ побѣдъ. Такъ сильно отзывались на военныхъ дѣлахъ взгляды, симпатіи или антипатіи Сильвестра. Нѣкоторые заступники Іоанна не находятъ словъ для обвиненія Сильвестра въ томъ нерасположеніи къ войнѣ Ливонской, которое онъ поселилъ въ войскѣ и народѣ, за ту узкость взглядовъ, съ какою онъ предпочиталъ войнѣ Ливонской войну съ Крымомъ, шелъ по старому пути, затѣвалъ религіозныя войны... Но вѣрность взглядовъ его оправдалъ злосчастный конецъ этой своего рода „тридцатилѣтней войны“ для Россіи, а позднѣйшія обстоятельныя историческія изслѣдованія ***) доказали, что всего нужнѣе и гораздо легче намъ было

*) Древн. Вивліоѳика, т. 13, стран. 272.

**) Исторія Іоанна Курбскаго, стр. 69.

***) Личность Іоанна Грознаго, ст. Костомарова въ Вѣстникѣ Европы за 1871 г., кн. 10, стран. 503—517.

тогда окончательно раздѣлаться съ Крымомъ, не развлекая силъ въ разныя стороны. Не намъ входить въ оцѣнку того, какой политическій идеалъ былъ шире, Сильвестровъ ли, стоявшій за Крымскій вопросъ, или Іоанновъ Ливонскій; для насъ достаточно было показать, что внѣшняя политика была второстепеннымъ дѣломъ Сильвестра, что его историческимъ призваніемъ, главнымъ поприщемъ были дѣла внутреннія, что вліяніе его на внѣшнія политическія дѣла было нравственное сокровенное, зорко оберегавшее интересы государства и сильно дѣйствовавшее на настроеніе духа въ народѣ, на подъемъ и упадокъ духа въ войскѣ.

—

Представляя Сильвестра главнымъ двигателемъ и виновникомъ всѣхъ славныхъ внутреннихъ дѣлъ Іоаннова царствованія, и отводя ему второстепенное мѣсто въ области внѣшней политики, мы не думаемъ, однако, отнимать у Іоанна славы этихъ дѣлъ; мы рѣшительно противъ того мнѣнія, будто Іоаннъ былъ слѣпымъ и безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра. Человѣкъ, не любившій стѣснять ни чьихъ убѣжденій и свободы дѣйствій, напротивъ будившій и поощрявшій всякое свободное движеніе мысли и дѣятельности, не только не искавшій власти, но тяготившійся ею, отмѣнно кроткій, честный, уступчивый, могъ ли онъ посягать на свободу убѣжденій и дѣйствій и на захватъ власти ввѣрившаго ему предъ Богомъ свою душу державнаго его повелителя? Въ воспитательныхъ своихъ отношеніяхъ необыкновенно внимательный къ способностямъ, наклонностямъ и положенію каждаго, глубоко уважавшій права личности въ каждомъ пришломъ бѣдномъ питомцѣ и воспитавшій у себя въ домѣ столько самостоятельныхъ и полезныхъ дѣятелей для государства и церкви, могъ ли онъ въ царственномъ своемъ питомцѣ не воспитывать умнаго и самостоятельнаго государственнаго дѣятеля? Прежніе недостойные воспитатели нарочно развивали въ Іоаннѣ невнимательность къ государственнымъ дѣламъ, но здѣсь таился хитрый расчетъ съ ихъ стороны: „Іоаннъ гонялъ на мскахъ и христіаномъ проторы учинялъ“, а бояре-воспитатели, пользуясь его невнимательностію къ управленію государствомъ, „свирѣпствовали аки львове, и людіе ихъ, аки звѣри дивіи“ *). Ничего похожаго на гнусные эти расчеты не допускавшій, всецѣло и всемѣрно ополчившійся противъ зла, посѣяннаго въ сердцѣ царя его несчастнымъ воспитаніемъ, могъ ли Сильвестръ не пріучить его

*) Псков. лѣт., стр. 304. Истор. Гос. Росс., т. 8, прим. 153.

всматриваться постепенно въ дѣла правленія и вести ихъ болѣе или менѣе самостоятельно? И самъ Іоаннъ, изъ дѣтства видѣвшій предъ собою враговъ, похитителей своей власти, изъ дѣтства закалившій себя на борьбу съ ними, борьбу, производившуюся у него въ головѣ и сердцѣ, но самую страшную и неуступчивую, употребившій всю свою начитанность и образованіе на отысканіе новыхъ средствъ для этой борьбы, первый изъ князей, выработавшій въ себѣ теоретическое сознаніе значенія царской власти, превратившейся у него въ апоѳеозъ не только самодержавія, но и безграничнаго произвола,—человѣкъ такого характера и склада ума могъ ли держаться въ удаленіи отъ дѣлъ правленія,—могъ ли столько времени (13 лѣтъ) быть настолько обманутъ, чтобы разыгрывать изъ себя жалкую комическую роль царственной куклы въ чужихъ рукахъ? Нѣтъ. Время сближенія его съ Сильвестромъ было наилучшею порою, школою для развитія его ума, характера и правительственныхъ способностей.—Взглянемъ на дѣло съ чисто психологической точки. Іоаннъ принадлежитъ къ числу первыхъ, страстныхъ натуръ, одаренныхъ отъ природы довольно талантливыми способностями. Отличительная черта этихъ натуръ чрезвычайная чувствительность ко внѣшнимъ ощущеніямъ и вслѣдствіе этого быстрая смѣна представленій. Неизмѣнной устойчивости воли нѣтъ у нихъ. Великими дѣятелями быть они не способны. За то сердечныя движенія ихъ очень сильны, воображеніе пламенное. Разсудокъ стѣсненъ, подавленъ ими: особенно образы пылкаго воображенія, постоянно смѣняющіеся одинъ другимъ, увлекаютъ разсудокъ; но и онъ у нихъ сила дѣятельная, не знающая удержа въ извѣстномъ направленіи. Когда страсти утихаютъ, когда являются предметы дѣятельности, имѣющіе прелесть для воображенія и умиротворяющимъ образомъ дѣйствующіе на душу, натуры этого рода съ жаромъ и энергіею занимаются этими предметами; сначала дѣйствуютъ по толчку и напоминанію, пока пылкое воображеніе и взволнованный разсудокъ пріобрѣтутъ достаточную устойчивость, обильный матеріалъ; потомъ, постепенно втягиваясь въ дѣло, заинтересовываясь и быстро овладѣвая имъ, скоро же являются довольно самостоятельными дѣятелями. Одно какое-либо господствующее представленіе, одна завѣтная цѣль движутъ съ неудержимымъ рвеніемъ всѣ силы ихъ духа. Словомъ, такія натуры въ счастливую пору умиротворенія страстей развиваются очень быстро, дѣйствуютъ сознательно, энергично, съ характеромъ, не отступая ни предъ чѣмъ въ осуществленіи своей жизненной идеи и цѣли. Но вспыхнутъ страсти, поднимется буря въ душѣ,—весь запасъ силъ, вся энергія тратятся на одну борьбу съ мнимыми и дѣйствительными препятствіями, мѣшающими осуществле-

нію завѣтной идеи и цѣли, и, если кипучая натура можетъ пустить въ ходъ насиліе, произволъ, то изъ нея можетъ выродиться страшилище для общества. Пылкій, впечатлительный и счастливо одаренный отъ природы Іоаннъ, когда послѣ бурной и безпечной юности очутился предъ лицами и людьми, плѣнившими его воображеніе и умиротворявшими душу, весь отдается увлекающимъ этимъ лицамъ и дѣламъ, скоро усвояетъ дѣла, дѣйствуетъ съ энергіею и постоянствомъ, достойными сильнаго и многообѣщающаго характера, и не только сознательно свободно принимаетъ чужія мысли и дѣятельно стремится къ осуществленію ихъ, но и самъ иногда подсказываетъ своимъ ментораМъ и предпринимаетъ иныя полезныя дѣла совершенно независимо, самостоятельно. Если онъ, по удаленіи своихъ опекуновъ и руководителей, является правителемъ вполнѣ самодержавнымъ, принимающимъ на себя не развитіе только и приведеніе къ концу, какъ было прежде, но и починъ всякаго мѣропріятія, если въ эту же пору онъ заявляетъ себя удачнымъ писателемъ, имѣющимъ претензіи на огромную для своего времени начитанность, живой увлекательный даръ слова, блескъ юмора, остроумія, то, конечно, свои правительственныя и авторскія способности, свой умъ и характеръ онъ развилъ въ себѣ въ счастливые годы умиротворенія страстей. Но вотъ забушевали чувственныя и властолюбивыя страсти,—всѣ внутреннія и внѣшнія силы, всю энергію и дѣятельность отдалъ онъ одной борьбѣ съ дѣйствительными, а больше призрачными препятствіями къ осуществленію своей завѣтной идеи самодержавія; изъ него выходитъ чудовище разврата и произвола, какимъ онъ и былъ въ миніатюрѣ въ отроческомъ своемъ возрастѣ.

Что Іоаннъ, такъ ревниво оберегавшій свои права, дѣйствовалъ непринужденно и сознательно даже въ то время, когда находился подъ нравственною опекою, и подъ часъ смыслилъ и разумѣлъ больше своего наставника, на это нѣтъ недостатка въ фактахъ. На соборѣ 1554 года, созванномъ по дѣлу Висковатаго и Сильвестра, (котораго тотъ обвинялъ, будто онъ заставляетъ иконниковъ писать въ Кремлевскихъ храмахъ „образа своего мудрованія“), дьякъ обращается къ царю, какъ къ верховному судіи, хорошему знатоку соборныхъ правилъ, умѣющему разрѣшить всѣ спорные пункты. За вычетомъ всѣхъ тѣхъ процентовъ въ прикрасахъ и преувеличеніяхъ на счетъ многознанія и разумности царя, которые падаютъ на долю вѣрноподданническихъ чувствъ дьяка Висковатаго, остается несомнѣннымъ, что Іоаннъ принималъ не пассивное участіе на соборѣ, не номинальное, и что тѣмъ болѣе онъ не былъ слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ чьихъ бы то ни было рукахъ. Другой важный въ данномъ случаѣ фактъ—

это представленное Сильвестромъ на судъ того же собора ученіе Башкина и его единомышленника Артемія. Сынъ боярскій Матвѣй Башкинъ былъ одинъ изъ пытливыхъ умовъ своего вѣка. Ополчившись противъ существующихъ злоупотребленій въ церкви и государствѣ, противъ господства формы надъ содержаніемъ въ области религіи, онъ стремился жить въ духѣ вѣры, по духу евангелія братской любви, и свои стремленія оправдалъ на дѣлѣ освобожденіемъ всѣхъ своихъ рабовъ и кабальныхъ. Пытливый умъ его сбился, наконецъ, съ истинной дороги; онъ увлекся вольномысліемъ того кружка людей, который собирался около него, и такимъ образомъ сдѣлался еретикомъ, отвергавшимъ равенство Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, дѣйствительность таинствъ Евхаристіи и покаянія, видимое устройство церкви, авторитетъ вселенскихъ соборовъ, но до впаденія въ ересь, когда переживалъ мучительное раздвоеніе и борьбу мыслей, онъ „обращался къ Благовѣщенскому попу Семену“ со„ многими недоумѣнными вопросами“ и„ великими клятвами заклиналъ того поновить его на исповѣди въ великій постъ“. Башкинъ спрашивалъ также у попа Семена „толкованія многихъ вещей изъ Апостола“ и тутъ же высказывалъ и свои мнѣнія, „толкуя однако не по существу, а развратно“. Не получивъ отвѣта ни на тѣ, ни на другіе вопросы, Башкинъ молвилъ Семену: „спроси у Сильвестра, о чемъ самъ не знаешь“.Семенъ разсказалъ обо всѣмъ Сильвестру. Несмотря на то, что въ народѣ носились самые тревожные слухи, будто на дому у Башкина „ересь прозябе и явися шатаніе въ людѣхъ“, Сильвестръ не принялъ никакихъ мѣръ единственно потому, что царь былъ въ отлучкѣ, въ Кирилловомъ монастырѣ. Но вотъ пріѣхалъ царь. Сильвестръ съ Семеномъ при двухъ свидѣтеляхъ (Андреѣ протопопѣ и Алексѣѣ Адашевѣ) спѣшатъ все повѣдать ему про Башкина. Немедленно начинается рядъ нравственныхъ и вразумительныхъ мѣръ, истекающихъ отъ самого царя. Онъ повелѣлъ, чтобы „Матюша всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ воскомъ“, и, когда тотъ представилъ книгу, „измѣченную восковыми пятнами даже до третія“, государь самъ разсматривалъ книгу, видѣлъ и его, слышалъ „всю рѣчь и мудрованіе Матюшино“. Уѣхалъ опять государь (въ Коломну), „дѣло позалеглось“. Пріѣхалъ, и тотчасъ предпринимаетъ карательныя мѣры противъ еретика (Башкина съ двумя братьями Григоріемъ и Иваномъ, еще двумя лицами Тимоѳеемъ и Ѳомою: приказано посадить въ подклѣти царскихъ палатъ) и рѣшаетъ созвать соборъ. — Въ приведенныхъ обстоятельствахъ, (о которыхъ мы не безъ намѣренія распространились), важно то, что не только въ томъ дѣлѣ, въ которомъ замѣшано личное препирательство Сильвестра, въ столкновеніи съ Висковатымъ, но и въ томъ, виновникъ котораго

полагался на судъ Сильвестра, послѣдній ничего не дѣлаетъ безъ государя и собора. Конечно, это дѣлаетъ честь его осмотрительности, благоразумію и отвращенію отъ скорыхъ и произвольныхъ мѣръ; Висковатаго, громко и дико вопившаго въ народѣ на св. иконы, всемогущій Сильвестръ могъ бы заставить замолчать, а сомнѣнія Башкина разрѣшилъ бы своимъ умомъ-разумомъ, но несомнѣнно и то, что онъ все дѣлалъ съ доклада государю, и докладъ этотъ былъ далеко не формальный. Царь вѣритъ Сильвестру не на слово, а послѣ обстоятельнаго разсказа обо всемъ совмѣстно съ тѣмъ лицемъ, которое „на духу разузнало все мудрованіе еретика“; тутъ же и два другіе свидѣтеля. Рядъ приличныхъ мѣръ исходитъ непосредственно отъ самого царя. Государь не приказываетъ только или соизволяетъ, не подписываетъ лишь свое имя, но самъ распоряжается, какъ вести дѣло; самъ разсматриваетъ, вникаетъ въ спорные пункты; слушаетъ всю рѣчь и мудрованіе „Матюши“ и, нужно замѣтить, такую рѣчь, которую всѣ слушали съ замираніемъ сердца, такого мудреца, который былъ на русской почвѣ реформаторомъ и раціоналистомъ. Два раза уѣзжаетъ государь и дѣла останавливаются. Останавливать дѣло было бы не къ чему, если бы царь не принималъ дѣятельнаго личнаго въ немъ участія; потому что, если бы дѣло требовало только подписи его, формальнаго утвержденія „быть по сему“ или разрѣшенія, чтобы Сильвестръ дѣлалъ, какъ самъ знаетъ, то Сильвестръ самъ и кончилъ бы дѣло, тѣмъ болѣе что оно не требовало ни малѣйшаго отлагательства, такъ какъ слухи о немъ со дня на день становились все тревожнѣе. За подписью царя дѣло не стало бы конечно: борзые гонцы всегда готовы для спѣшныхъ дѣлъ. Что касается до соумышленника Башкина Артемія, то, допытываясь въ немъ „всякаго права и пользы духовныя“ при назначеніи его въ Троицкіе игумены, Сильвестръ не нашелъ въ немъ ничего подозрительнаго и исходатайствовалъ ему почетное назначеніе. Наслышавъ потомъ объ еретическихъ мысляхъ Артемія, Сильвестръ дважды, трижды бесѣдовалъ съ ученикомъ его Порфиріемъ, чтобы вывѣдать отъ него мысли учителя. Неизвѣстно, что вывѣдалъ онъ отъ Порфирія. Но призываетъ Порфирія самъ государь, бесѣдуетъ съ нимъ, перечитываетъ рѣчи его, записанныя Сильвестромъ и Семеномъ, и своимъ „богодарованнымъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ ошибочное Порфиріево ученіе и въ учители его Артеміи“ начинаетъ примѣчать. Такой интересъ къ догматическимъ тонкостямъ ученія, такая проницательность, которая подмѣчаетъ то, что укрылось отъ прозорливости Сильвестра, служатъ наилучшею апологіею для ума и самодѣятельности Іоанна. Замѣчательно еще, что Артемій постав-

ленъ былъ Сильвестромъ „во игумены ко св. Троицѣ“, а по волѣ Іоанна „оставилъ игуменство за совѣсть“. Можно ли послѣ этого согласиться съ мнѣніемъ, что у Іоанна оставалось одно имя царя, а „государился во всемъ Сильвестръ съ совѣтники своими“?

Во вновь открытомъ, упомянутомъ нами, 2-мъ посланіи Сильвестра скрывается очень важный для даннаго случая фактъ. Знакомый намъ по первому посланію Сильвестра князь Шуйскій-Горбатый во второй годъ своего воеводства въ Казани подвергся опалѣ отъ непостояннаго въ своемъ благоволеніи царя. „Удаленный отъ очей царскихъ, изгнанный изъ собственнаго дома, лишенный праотеческаго и собственнаго стяжанія“ князь „со многимъ молепіемъ и умилепіемъ“ просилъ у Сильвестра духовной помощи и утѣшенія, а главное, „чтобъ онъ нѣкимъ имущимъ къ государю дерзновеніемъ печаловался къ государю о его скорби“. Сильвестръ шлетъ ему въ утѣшеніе длинное, основанное на церковно-историческихъ примѣрахъ, разсужденіе, совѣтуя ему утолять скорбь молитвою, постомъ, слезами, истиннымъ покаяніемъ и престатіемъ отъ всѣхъ золъ, и между прочимъ прибавляетъ многознаменательное замѣчаніе: „симъ бо образомъ умилосердишь Бога и умилостивишь душу царскую и за нужу помѣстейцемъ устроитъ тя и вотчинку отдастъ“. О просимомъ же печалованіи замѣчаетъ: „теперь не имѣю, господине и любимче мой, сотворити тебѣ что ходатайствомъ къ тому о семъ“.—Если бы Сильвестръ былъ такимъ всемогущимъ властелиномъ, по одному слову или взмаху пера котораго все дѣлалось въ государствѣ, и въ рукахъ котораго царь былъ невольнымъ орудіемъ, то безъ сомнѣнія онъ скорѣе возстановилъ друга въ прежнее достоинство, чѣмъ сталъ бы трудиться надъ измышленіемъ длиннаго утѣшительнаго посланія; но если онъ не сажаетъ друга на прежнее мѣсто, то, при безграничномъ довѣріи къ нему Іоанна, онъ не поступаетъ вопреки волѣ и убѣжденію послѣдняго. Но, говорятъ, подъ витіеватымъ этимъ сплетеніемъ увѣщаній, обѣщаній и утѣшеній скрывается намѣреніе порисоваться своимъ краснорѣчіемъ или замаскироваться противъ того несчастнаго, который, можетъ быть, палъ по его же (Сильвестровымъ) интригамъ, и что по тому Сильвестръ не думалъ, не хотѣлъ оказать ему свою милость; а захотѣлъ бы,—все сдѣлалъ, не спрашиваясь у государя?... Правда, Сильвестръ сознается: „къ словоохотной страсти приплстохся азъ“; но у кого есть и безъ того необъятное поприще для проявленія словоохотной этой страсти, у того не достанетъ ни времени, ни охоты извиваться въ суетномъ витійствѣ предъ человѣкомъ совершенно загнаннымъ, обезславленнымъ, уничтоженнымъ. Тѣмъ болѣе было бы ниже его достоинства оправды-

ваться, хапжить предъ этою сдѣлавшеюся по волѣ судьбы мизерностію: интриганъ, стоящій на недосягаемой высотѣ, какимъ изображаютъ его противники его, или съ презрѣніемъ оттолкнулъ бы отъ себя жертву, въ изнеможеніи валяющуюся у ногъ его, или не удостоилъ бы ее ни взоромъ, ни словомъ. И ради кого было разглагольствовать и прикрывать свои грѣшки въ частномъ утѣшительномъ этомъ посланіи, когда оно, адресованное къ изгнаннику, удаленному отъ всякаго общества, должно было оставаться собственною тайною его? Да и можетъ ли быть рѣчь о какомъ-либо прикрытіи интригъ и козней со стороны Сильвестра, когда опальный князь, какъ видно изъ разбираемаго посланія, обращается къ нему, какъ искреннему другу, единственной надеждѣ своей, и Сильвестръ принимаетъ самое живое сердечное участіе въ его скорби и, посылая ему трогательное духовное утѣшеніе, обнадеживаетъ его со временемъ внѣшнею матеріальною помощью: „умилостивится царская душа и за нужу помѣстейцемъ тя устроитъ и вотчинку отдастъ“!.. Въ этихъ-то словахъ вся суть дѣла. Сильвестръ тонко и уклончиво даетъ замѣтить ему, что теперь, пока не утишился гнѣвъ царскій на опальнаго, не время подѣйствовать на государя убѣжденіями, склонить его къ милости, а со временемъ, въ минуты благопріятныя, онъ надѣется уладить дѣло. Значитъ, Сильвестръ, при всемъ своемъ полномочіи и довѣренности у царя, распоряжается всѣмъ, нисколько не насилуя убѣжденій и воли его, а строго примѣняясь ко времени, обстоятельствамъ и расположенію державнаго своего поведителя.

Но какъ согласить съ этими свидѣтельствами и выводами совершенно противоположныя свидѣтельства самого Іоанна? „Вы, растлѣнные, обвиняетъ онъ Сильвестра, Адашева и Курбскаго, не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли, всю власть съ меня сняли; я былъ государь только на словахъ, на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ“. Или „что ты жалуешься, писалъ онъ къ Курбскому, на отлучки съ родными и отечествомъ, на болѣзни и раны, которыя ты претерпѣлъ въ воинскихъ походахъ? Все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ всѣмъ владѣли“. Въ самомъ знаменитомъ дѣлѣ своего царствованія, въ Казанскомъ походѣ, онъ назначаетъ себѣ пассивную комическую роль: „когда мы, получивъ неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ побѣду, возвращались домой, то, какъ плѣнника, посадивши въ судно, вы везли меня съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю“ *).—Сло-

*) Отвѣтъ Іоанна кн. Курбскому, стр. 188—190.

вамъ этимъ нельзя давать вѣры, такъ какъ они написаны въ пылу страсти, подогрѣтомъ горячею полемикою и личною перебранкою. Дѣло въ томъ, что Іоаннъ и безъ того мучился раскаяніемъ, что онъ допустилъ себя быть столько лѣтъ въ неволѣ отъ совѣтниковъ; вездѣ видѣлъ онъ ковы и козни, имѣвшія будто бы уловить его въ прежнія сѣти, и уже положилъ столько жертвъ своей подозрительности: а тутъ вдругъ, среди жестокой личной перебранки, онъ слышитъ дерзкое наставленіе, что онъ долженъ слушаться совѣтниковъ, „беречь ихъ какъ свои уды"; ему внушаютъ, что то время, за которое онъ такъ жестоко кается, было самымъ лучшимъ временемъ его жизни, самымъ блестящимъ въ его царствованіи. Напоминаніе и внушеніе усиливаютъ огорченіе; камень, лежавшій на больномъ мѣстѣ тронутъ; рана растравлена до самой жгучей боли: т. е. идея самодержавнаго деспотизма, не допускающаго къ себѣ никакихъ совѣтниковъ, идея, сдѣлавшаяся цѣлію всей жизни, превратившаяся въ идею fixe, отвержена, оскорблена, поругана. Онъ внѣ себя отъ ярости. И вотъ онъ не находитъ словъ для изображенія вины какъ того, кто возстаетъ противъ этой неприкосновенной идеи, такъ и тѣхъ, которые казались ему давнишними ея врагами и которые сдѣлались теперь для него вдвое, втрое подозрительнѣе и неспокойнѣе; чѣмъ болѣе хвалитъ Курбскій Іоанна за довѣрчивость къ Сильвестру и Адашеву, тѣмъ они ненавистнѣе для него, какъ коварные люди, стремящіеся тонкою сѣтью лести, сплетаемою ихъ сторонникомъ, уловить его въ прежнюю невыносимую неволю, отнять у него то, что всего дороже было для него на свѣтѣ,—самодержавную власть. Въ бѣшенствѣ и отчаяніи отъ смертельной опасности (совершенно призрачной) онъ мечется, бранится на „собаку" Адашева, на „невѣжу жреца Сильвестра". Нѣсколько опомнившись и желая какъ бы придать дѣлу благовидность, онъ старается обрушить на нихъ преступленіе всею его тяжестію, заклеймить ихъ въ преступномъ злоупотребленіи его довѣренностію, а изъ себя разыграть роль угнетенной невинности, обманутаго довѣрчиваго увлеченія, сироты на тронѣ. И вотъ онъ приписываетъ имъ преступленіе, тяжелѣе котораго ничего не можетъ быть въ его глазахъ,—непомѣрное своеволіе и самоуправство; говоритъ, что вмѣсто его они владѣли царствомъ, говоритъ совершенно ложно. И мало ли до чего договорился онъ въ пылу страстнаго гнѣва, подозрительности и растерянности! Тутъ же сейчасъ онъ много наговорилъ исторической лжи, напримѣръ, что Римская имперія погибла оттого, что цари ея были послушны епархамъ и синклитамъ. Даже изложеніе прошедшихъ событій собственнаго царствованія преисполнено удивительныхъ невѣр-

ностей; напримѣръ, онъ увѣряетъ, что подъ Казанью съ нимъ было только 15,000.—Въ частности, относительно увертки, сдѣланной Іоанномъ противъ Курбскаго: „на свои раны и труды жалуйся предъ тѣми, съ которыми ты владѣлъ царствомъ“, нужно замѣтить, что „словесныя премудрости риторъ“ хотѣлъ здѣсь щегольнуть остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, не думая, что адвокатскую его тонкость можно будетъ употребить противъ него самаго: у писателя случайнаго, страстнаго и самоучки подобныхъ неточностей встрѣтить можно много, но логическія неточности нельзя смѣшивать съ историческими фактами. Далѣе, жалуясь на то, что его, какъ плѣнника, везли съ ничтожнымъ отрядомъ домой, Іоаннъ вовсе не выказываетъ себя такимъ простакомъ и трусомъ, котораго умные люди для видовъ государственной пользы везли туда, гдѣ ему страшно. Насъ удивляетъ, что вышеприведенныя слова выставляются во многихъ исторіяхъ, какъ верхъ самооплеванія Іоанна; изъ этихъ словъ и прямаго контекста рѣчи видно, что Іоаннъ говоритъ здѣсь о возвратномъ походѣ домой: „когда мы, получивъ побѣду, возвращались домой, то, какъ плѣнника посадивши меня въ судно, вы везли меня съ ничтожнымъ отрядомъ“. Іоаннъ обижается здѣсь на то, что мало заботились о его безопасности, а всего болѣе здѣсь скрывается обида уязвленнаго самолюбія, претендующаго на то, что не устроили ему, какъ побѣдителю, тріумфальныхъ повсюдныхъ встрѣчъ. Но на невольный походъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія; нигдѣ онъ не поднимаетъ руки на самого себя, какъ увѣряютъ иные; напротивъ, торжественно высказывается: „мы съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій“... По собственнымъ словамъ Іоанна, подтверждаемымъ событіями и свидѣтельствами другихъ, Іоаннъ предпринялъ походъ, конечно, по мысли Сильвестра и ближайшихъ его совѣтниковъ, но съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ его необходимости, подкрѣплялся въ своей рѣшимости религіозными воодушевленіями. И, хотя не велъ себя Ахиллесомъ, но обнаружилъ довольно замѣчательную энергію, настойчивость, предусмотрительность. — Еще за полгода до открытія военныхъ дѣйствій, съ цѣлію постепеннаго подчиненія Казани московской державѣ, онъ посадилъ туда намѣстникомъ князя Микулинскаго, между тѣмъ какъ всѣ совѣтники и самъ Сильвестръ вопили, что царь послалъ его въ опалѣ, желая казнить. Затѣмъ предпринимаетъ два похода, основываетъ городъ въ землѣ непріятельской. Неудача двухъ походовъ не устрашаетъ предпринять третій походъ. Но вотъ новая неудача: буря на Волгѣ потопила всѣ суда съ припасами и военными снарядами; малодушные совѣтники считали за

нужное возвратиться домой, но Іоаннъ рѣшился во что бы то ни стало зимовать подъ Казанью. Онъ же, наконецъ, отвергъ совѣтъ вельможъ, полагавшихъ по случаю волненій, происходившихъ въ Казани, совершенно покинуть несчастный этотъ край *). Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что Іоаннъ вовсе не былъ такою личностію, которою могли бы располагать совѣтники, какъ имъ вздумается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно независимо слѣдовалъ своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками и безчисленными препятствіями.

Итакъ, какъ ни могущественно вліяніе Сильвестра на Іоанна въ области внѣшней и особенно внутренней политики, но, судя по характеру и образу дѣйствій того и другого, можно установить такую мѣру вліянія безобидную для одного и еще болѣе дѣлающую честь другому: инціатива всѣхъ мѣропріятій зависѣла отъ Сильвестра, но и Іоаннъ, съ своей стороны, хорошо сознавалъ важность и необходимость ихъ, и дѣятельно стремился къ осуществленію ихъ; душею и разумомъ политики, особенно въ первые лѣтъ пять, былъ Сильвестръ; его управленіе было школою для Іоанна и при томъ такою, что, постепенно пріучаясь къ дѣламъ правленія, умный ученикъ могъ скоро сравняться съ учителемъ и иногда побѣждать его. Таковы, по крайней мѣрѣ, были намѣренія самого Сильвестра. Свѣтлый личный свой образъ онъ хотѣлъ отобразить, воплотить въ царственномъ своемъ питомцѣ, перенести на него все свои великія политическія идеи, чаянія и надежды. Насколько осуществились высокія намѣренія эти, это зависѣло отъ свойства личныхъ отношеній его къ Іоанну, обусловливаемыхъ преимущественно характеромъ послѣдняго, къ уясненію которыхъ и переходимъ.

II.

Попытаемся, по возможности, уяснить себѣ причины сближенія Сильвестра съ Іоанномъ, оговорившись предварительно, что этотъ фактъ далеко не уясненъ въ историческихъ памятникахъ. Чтобъ сразу овладѣть всею душею Іоанна, не употребилъ ли въ дѣло о. Сильвестръ средства недостойныя, коварныя, какія приписываются ему нѣкоторыми изслѣдователями-пессимистами? И это не совсѣмъ чистое начало не было ль причиною дурнаго конца какъ съ самимъ наставникомъ и руководителемъ, такъ и съ царственнымъ его питомцемъ? Мы видѣли, въ какой трагическій моментъ, въ какой великой роли про-

*) Сказанія кн. Курб. 32 и 244.

рока-обличителя и спасителя Сильвестръ впервые предсталъ предъ царемъ. Къ извѣстнымъ намъ „прещеніямъ отъ Бога священными писаньми и строгимъ заклинаніямъ его страшнымъ именемъ Божіимъ“ Сильвестръ присоединилъ еще „чудеса нѣкія и аки бы явленія отъ Бога повѣда ему“; „не вѣмъ аще истинная, прибавляетъ его другъ-историкъ, або тако ужасновенія пущающе буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ умыслилъ былъ сіе“. Оный блаженный, льстецъ истинный, оправдываетъ его далѣе другъ-повѣствователь, поступилъ на этотъ разъ подобно благоразумнымъ родителямъ, которые мечтательными страхами и угрозами предотвращаютъ буйныхъ дѣтей отъ пагубныхъ игръ, или же подобно мудрымъ врачамъ, которые желѣзомъ срѣзаютъ согнившія гангрены или дикое мясо *). По-видимому, Сильвестръ, хорошо зная, что Іоаннъ былъ истиннымъ сыномъ своего суевѣрнаго вѣка, (что онъ, наприм., нѣсколько дней тому назадъ страшно испугавшись паденія колокола у Ивана Великаго, счелъ этотъ случай за предвѣстіе общественныхъ бѣдствій) произвелъ обаяніе на него ложными чудесами, видѣніями, суевѣрными мечтательными страхами: суевѣріе, говорятъ, свело его съ Іоанномъ. Но такъ ли это? Припугнуть Іоанна какими-либо мечтательными страхами, вымышленными чудесами и видѣніями значитъ выказать низкое понятіе объ его умѣ и, пользуясь его набожностію, обращать въ посмѣяніе священныя чувства его сердца, профанировать религію. Но человѣкъ, всегда относившійся съ уваженіемъ къ личнымъ убѣжденіямъ другихъ и почитавшій въ каждомъ истинное дарованіе, какъ неприкосновенную святыню, въ частности хорошо знавшій природный многопачитанный умъ Іоанна и съ такимъ уваженіемъ отзывавшійся о „благоискусномъ и богомудромъ разумѣ его“, станетъ ли издѣваться надъ высокочтимымъ умомъ этимъ, пугая его какими-либо вымыслами и „страхованіями“? Такой набожный, благочестивый и правдивый человѣкъ, по религіознымъ своимъ понятіямъ и чувствамъ стоявшій выше своего суевѣрнаго вѣка, строго вооружавшійся противъ общественныхъ суевѣрій, съ особенною заботливостію завѣщавшій женѣ своей „не знать ни волхвовъ, ни кудесниковъ, ни всякаго чарованія“, станетъ ли посредствомъ ложныхъ чудесъ и видѣній профанировать религію и себя унижать до гнусной роли волхва и кудесника? Напрасно стали бы возражать намъ, что здѣсь была обычная уступка изъ нравственныхъ средствъ, подобная той, какая встрѣчается въ Домостроѣ. Нѣтъ,

*) Исторія Іоанна, стр. 9—Сказанія Курбскаго.

тамъ послабленіе или уступка, сохраняя интересъ лица, не задѣваетъ ничьихъ интересовъ; обмана, лжи, коварства тамъ отнюдь не допускается: а здѣсь былъ бы обманъ, задѣвающій самые дорогіе интересы, оскорбляющій личность, умъ, религіозность. За такую дерзость предъ такимъ лицомъ Сильвестръ могъ бы поплатиться очень дорого, но человѣкъ такой дальновидный, уклончивый, всегда сторонившійся отъ опасности, ни съ того ни съ сего не ухватился бы за обоюдоострое средство, не пошелъ бы на встрѣчу явной опасности. Нѣтъ, ложныя чудеса и видѣнія существовали только въ воображеніи царя и его ласкателей, и у нихъ самихъ мнѣніе объ ихъ лживости появилось далеко не вдругъ. Пока они вѣрили въ благодатное помазаніе Сильвестра и великія дѣла его принимали за чудные дары помазанія, разумѣется, первое необычайное дѣло—сближеніе съ царемъ они не могли себѣ представить внѣ вліянія (совершенія) какихъ-либо необычайныхъ знаменій и чудесъ, какихъ же именно, никто себѣ не представляетъ и не высказывается. Особенно склоненъ былъ вѣрить такъ самъ Іоаннъ. Въ то время, когда разыгрывалась предъ нимъ такая страшная драма: пожаръ бунтъ, умерщвленіе самыхъ близкихъ къ нему людей, пламенному, разстроенному и суевѣрному воображенію его обычныя картинныя изображенія суда Божія, угрожающаго безумнымъ правителямъ въ иномъ мірѣ и отчасти разражающагося и здѣсь въ видимыхъ страшныхъ знаменіяхъ, или бѣдствіяхъ, могли показаться трогательною повѣстью о чудесныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ. Въ невинномъ этомъ заблужденіи, распространившемся и въ народѣ, Іоаннъ находился болѣе десятка лѣтъ. Но вотъ злоба, самъ духъ злобы, нашептываетъ легковѣрному сердцу, что благодатный тотъ мужъ есть коварный чародѣй, всѣ свои удивительныя дѣла совершавшій посредствомъ чаръ; дивное сближеніе его съ царемъ кажется послѣднему дѣломъ чародѣйства, чудесныя видѣнія—мечтательными страхами; но въ чемъ состояли эти ложныя видѣнія и мечтательныя устрашенія, о томъ не говоритъ и оскорбившійся теперь ими царь, не говоритъ при всемъ усиленномъ желаніи собрать какія-либо улики на невиннаго Сильвестра: ясное дѣло, что сказать было нечего. Курбскій въ приведенномъ нами краткомъ разсказѣ, вѣроятно, имѣетъ въ виду оба суевѣрныя народныя понятія, изъ которыхъ одно причинами Сильвестрова обаянія на царя признаетъ истинныя чудеса, а другое ложныя; но, очевидно, самъ онъ не вѣритъ ни тому, ни другому: „ложны ли, истинны ль, не вѣмъ“. И такъ загадочно, подъ узломъ, онъ выражается потому во-первыхъ, что описываемое событіе было въ высшей степени таинственно и онъ не знаетъ какимъ именемъ назвать виновника

событія, тѣмъ болѣе что пишетъ слишкомъ поспѣшно, во всякомъ случаѣ величаетъ его блаженнымъ, истиннымъ, благокозненнымъ льстецомъ, во-вторыхъ потому, что въ исторіи, предназначенной для народа, не хотѣлъ колебать народной вѣры въ своего героя, въ его чудесные дары. Въ другомъ своемъ сочиненіи, гдѣ это дѣло разбирается подробнѣе, въ отвѣтѣ на 2-е посланіе Іоанна *), Курбскій представляетъ цѣлый рядъ доказательствъ на то, что Сильвестръ не способенъ ни къ какому обману: „ласкателіе твои клеветали на онаго пресвитера, исповѣдника, исполненна Духа Свята, иже бы тя устрашилъ не истинными, но льстивыми видѣніи". Да и къ чему ложныя видѣнія, когда и безъ нихъ можно было сильно подѣйствовать на царя въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ? Извѣстно, что такія нервныя натуры, какъ Іоаннъ, отъ неудачъ повергаются въ прахъ, дѣлаются чрезвычайно потерливы, малодушны въ несчастіяхъ. Стоитъ только человѣку съ нравственнымъ вліяніемъ плѣнить ихъ воображеніе увлекательнымъ картиннымъ разсказомъ, успокоить чувствительное сердце обѣщаніемъ помощи и руководства, и они бросаются въ его объятія, хватаются за него, какъ за опору, и ввѣряются ему, какъ спасителю отъ гибели. Представимъ теперь состояніе Іоанна. Предъ нимъ бездна. Онъ внѣ себя отъ страха,—и вдругъ является предъ нимъ художническая картина суда и милости Всевышняго. Прежняя бездна дѣлается еще ужаснѣе, а тутъ опытная и твердая рука, точно рука Провидѣнія, готова отвести его отъ бездны: какъ было утопающему не ухватиться за нее? Что человѣкъ, являющійся избавителемъ и спасителемъ, не изъ знатнаго рода, племени, это тѣмъ лучше, это еще болѣе возвышаетъ нравственныя испытанныя его достоинства, еще болѣе внушаетъ вѣры въ него. Самодержавная власть, недавно надѣвшая на себя всѣ свои доспѣхи и ищущая на дѣлѣ предъявить свои права, тѣмъ спокойнѣе можетъ опереться на нравственную эту силу и ввѣриться нисколько не подозрительному человѣку, что люди знатнаго рода были до сихъ поръ врагами и оскорбителями священной неприкосновенной власти; люди самые близкіе по родству и интересамъ оказываются досадителями и мучителями народа, который готовъ растерзать ихъ всѣхъ. А тутъ еще нѣжный голосъ самаго дорогаго существа, царицы Анастасіи, зоветъ на путь добра, но нѣжная рука не въ силахъ удержать расходившуюся натуру; она (натура)

*) Стран. 229—230.

ищетъ и находитъ опору въ человѣкѣ, котораго въ такую благопріятную пору само Провидѣніе призывало въ спасители царя и царства.

—

Нѣсколько лѣтъ Іоаннъ уважалъ въ Сильвестрѣ не пріятнаго только слугу, но человѣка высоко-нравственнаго, необыкновенный умственный талантъ, истиннаго друга и отца. Сильвестръ не только былъ руководителемъ его въ дѣлѣ совѣсти и религіи, поучалъ свящ. писанію и христіанскимъ добродѣтелямъ, но и предписывалъ ему законы въ домашней жизни, назначалъ время дѣятельности, покоя, развлеченій, даже „до обуща и спанья“, на каждомъ шагу преподавая ему свои практическіе уроки: напоминанія, увѣщанія, а иногда преслѣдуя его и „кусательными словесы“. Нѣтъ нужды подробно объяснять, какимъ образомъ Сильвестръ могъ, такъ сказать, хозяйничать и распоряжаться въ чужой, повидимому, неприступной душѣ; достаточно сказать, что съ одной стороны впечатлительность, набожность, никогда не покидавшая Іоанна, дѣлали его доступнымъ религіознымъ внушеніямъ и добрымъ вліяніямъ, съ другой необыкновенный умъ, неотразимо обаятельный характеръ, воплощенная нравственность и благочестіе, сдѣлавшія его всеобщимъ кумиромъ, способны были овладѣть не такою натурою... Въ исторіи разсматриваемыхъ отношеній есть болѣе важный вопросъ. Въ виду того, что Іоаннъ съ счастливыми своими дарованіями, но съ расшатавшеюся уже нравственностію и съ пріобрѣтенными въ дѣтствѣ деспотическими замашками больше всего нуждался въ добромъ нравственномъ руководствѣ, и что отъ исправленія нравственности зависѣло, быть ли ему благодушнымъ, честнымъ государемъ, отцомъ и благодѣтелемъ подданныхъ, или же превратиться въ распутнаго и властолюбиваго деспота, необходимо прослѣдить, насколько Сильвестръ успѣлъ въ нравственномъ своемъ вліяніи на Іоанна и какими причинами задерживались успѣхи этого вліянія. Въ настоящій разъ на отношенія Сильвестра къ Іоанну мы должны смотрѣть, какъ на чисто воспитательныя, нравственныя; но извѣстно, что воспитаніе всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе воспитаніе царственнаго юноши-мужа не можетъ быть творчествомъ, пересозданіемъ нравственной природы; оно было однимъ сдерживаніемъ, временнымъ водительствомъ по пути добра. Причина неудачи заключается въ природѣ Іоанна, испорченной предварительнымъ воспитаніемъ. Природа эта была сколько страстная, столько же и художественная. Остановимся на этой послѣдней сторонѣ. Іоаннъ понималъ и чувствовалъ лишь ту сторону добра, какая сродна была его природѣ, т.-е. художественную сторону, красоту раскаянія, красоту доблести; самые

ужасы увлекали его своею картинностію. Это чувство художественности, не бывъ утверждено на нравственномъ чувствѣ, которое давнымъ давно въ немъ отравлено, растлѣно, дѣлало его сколько воспріимчивымъ къ добрымъ вліяніямъ, столько же безсильнымъ усвоить себѣ духъ и содержаніе ихъ. Возьмемъ примѣръ. Нерѣдкость видѣть, какъ иной плачетъ отъ умиленія, слушая какой-либо трогательный разсказъ, и въ то же время мучитъ и терзаетъ ближняго. И его слезы непритворны: онъ постигаетъ добро съ художественной стороны, онъ тронутъ имъ, какъ художникъ. И всякій, художественно понимающій добро и приходящій отъ него въ умиленіе, чувствуетъ, какъ оно изящно, услаждается его благоуханіемъ, плѣняется его прелестію. Въ пылу восторга онъ готовъ нравственно преобразить, переродить себя, увѣряетъ и клянется въ томъ. Но исчезаетъ предъ нимъ художественная картина, какъ актеръ сходитъ онъ со сцены,—и онъ забылъ о своихъ увѣреніяхъ и клятвахъ; эти обѣщанія были одинъ порывъ, одна вспышка искры добра, которая остается въ самой безнравственной душѣ, но такъ же скоро угасаетъ, какъ скоро воспламеняется. И какъ ни плѣняетъ его внѣшняя художественная красота добра, но самое добро для него—вещь черствая, грубая, тяжелая, она ему не по силамъ: оно чаруетъ воображеніе, шевелитъ сердце, но не движетъ воли; внутреннее полуистлѣвшее зерно добра, сколько ни поливаютъ ни удобриваютъ его извнѣ, не даетъ большихъ плодовъ. Таково было нравственное состояніе Іоанна подъ руководствомъ Сильвестра. Мудрый и благонамѣренный наставникъ старается ввести его въ полный свѣтъ истины, въ глубину жизни, въ полноту духа нравственнаго добра, а онъ художественною своею природою увлекается отъ одной картины къ другой, отъ одного образа къ другому, онъ засматривается на одинъ внѣшній блескъ и одну художественную красоту добра, не входя въ его духъ и жизнь. Такъ при первой трагической роли своей предъ царемъ (во время московскаго пожара и бунта) Сильвестръ картиннымъ, истинно художническимъ изображеніемъ суда Божія на злыхъ и обѣтованій благости для добрыхъ старается расположить Іоанна къ истинному раскаянію; Іоаннъ съ неподдѣльнымъ художническимъ чутьемъ постигаетъ красоту картины, чувствуетъ мерзость безнравственнаго своего поведенія, поражается, мучится, терзается, но не имѣетъ силъ или лучше воли подняться и исправиться; по прекрасному выраженію Карамзина, это—„угрызеніе совѣсти безъ раскаянія“. Сильвестръ ведетъ Іоанна предъ собраніе всей земли. Царь всенародно сознается въ темныхъ дѣлахъ юности, обѣщается быть отцомъ подданныхъ, но въ душѣ, на дѣлѣ онъ не

думаетъ остаться вѣрнымъ торжественному обѣщанію. Онъ дѣлаетъ это потому, что ему нравится торжественность обстановки: пріятно же глядѣть на площадь полную представителей отъ всей земли и запруженную народомъ; еще пріятнѣе стоять величественно подъ осѣненіемъ крестовъ на Лобномъ мѣстѣ, говорить съ ораторскимъ одушевленіемъ и видѣть слезы умиляющагося народа. Высокая цѣль руководителя—торжественнымъ публичнымъ покаяніемъ склонить впечатлительную душу къ отвращенію отъ темныхъ дѣлъ не достигается. Царь—въ собраніи духовенства вмѣстѣ съ пѣстуномъ своимъ. Тотъ озабоченъ тѣмъ, какъ бы уврачевать язвы государства и церкви, а тотъ забавляется больше тѣмъ, что онъ опять посрединѣ, предъ соборомъ, вопрошаетъ, мудрствуетъ. А какъ онъ распинается въ рѣчи своей къ казанскимъ воинамъ, (составленной, должно быть, не безъ участія ментора)! Чего и чего не обѣщалъ онъ имъ и ихъ семьямъ? И что́ же? Годъ, два проходятъ, а онъ, несмотря на сторонніе сильные обличенія (Максима Грека), не думаетъ осушить слезы сиротъ безсмертныхъ героевъ. Самая религіозность и набожность его, задатки которой онъ получилъ въ дѣтствѣ, а полнѣйшаго развитія достигъ подъ вліяніемъ благочестиваго руководителя, плѣняли его воображеніе и отчасти сердце пластическою стороною, художественнымъ драматизмомъ культа, но сила и духъ молитвы были недоступны для него. Итакъ, подъ мудрымъ нравственнымъ руководствомъ Сильвестра Іоаннъ оставался лишь художникомъ, актеромъ, игравшимъ въ добродѣтель, но не жившимъ ею.

—

Такъ какъ Іоаннъ въ глубинѣ души оставался такою же своенравною, властолюбивою, кипучею, страстною натурою, какою онъ былъ и прежде,—зло только подавлено, сдержано чрезъ отводъ искушеній, то это давленіе рано или поздно должно было почувствоваться слишкомъ тяжелымъ; виновникъ этого давленія, какъ человѣкъ тяжелый, непотребный долженъ быть удаленъ. Какія именно были причины печальнаго этого явленія? Не чрезчуръ ли крѣпкія оковы наложены были на юную державную волю, и въ чемъ состоитъ то стѣсненіе, на которое такъ жалуется и вопитъ Іоаннъ? Стѣсненіе это было отрицательное. Вѣроятно, его удерживали отъ многихъ непозволительныхъ чувственныхъ привычекъ. Вѣроятно, не давали воли его страстямъ, особенно гнѣву и, конечно, въ такихъ случаяхъ грозили душевною погибелью и разореніемъ царства: вслѣдъ за жалобою, что ему не давали въ волю ѣсть, пить, спать, Іоаннъ высказывается: „аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ утѣсненіе, тому

богатство, слава и честь, а аще не тако, то души пагуба и царству раззореніе"*). Это значитъ, что Іоанну не давали излить свой гнѣвъ на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, заслуживалъ его. Изъ дѣтства озлобленный противъ бояръ, при малѣйшемъ поползновеніи ихъ запросто обращаться съ нимъ, при малѣйшемъ неуваженіи ихъ къ новому непривычному для нихъ титулу царя, онъ съ яростію бросался на нихъ, но былъ постоянно удерживаемъ. Послѣ болѣзни (въ 1553 г.), жестоко потрясшей его физически и нравственно, онъ чаще сталъ бросаться на нихъ: мужественный печальникъ чаще и настойчивѣе долженъ былъ сдерживать его. Очень можетъ быть, что въ это время обращались съ нимъ не съ должнымъ почтеніемъ, или не съ тѣмъ благоговѣніемъ, какого онъ хотѣлъ. Мы не думаемъ, однако, чтобы Сильвестръ, взявшись управлять совѣстію и нравственнымъ поведеніемъ Іоанна, входилъ въ мельчайшія возмутительныя подробности, излишнія оскорбительныя вмѣшательства, не зналъ надлежащей мѣры въ сдерживаніи пылкой натуры: „вся бѣда, говорятъ, будто въ томъ, что онъ воспитывалъ царя по всѣмъ мелочамъ и въ суровомъ духѣ Домостроя". Нѣтъ, въ Домостроѣ допущены мелочи для мелочныхъ людей и еще потому, что чужое полное этихъ мелочей сочиненіе не было нужды строго редактировать и очищать отъ мелочей. Въ собственныхъ же своихъ сочиненіяхъ Сильвестръ несравненно мягче, нѣжнѣе, уступчивѣе: напр. сыну своему Аѳанасію онъ завѣщаетъ воспитывать дѣтей на началахъ весьма гуманныхъ; объ излишнихъ стѣсненіяхъ, даже тѣлесныхъ наказаніяхъ, нѣтъ и помину. И тотъ, кто обладалъ неподражаемымъ искусствомъ всѣхъ упоровить, и въ своихъ оффиціальныхъ и частныхъ отношеніяхъ строго сообразовался съ положеніемъ и характеромъ каждаго, ужели въ отношеніи къ одному Іоанну не умѣлъ соблюсти надлежащей осторожности и предусмотрительности? Нѣтъ, не столько излишекъ дозора, тягость дисциплины, сколько мучительный разрывъ съ закоренѣлыми привычками и страстями, болѣзненный переломъ во всей нравственной природѣ возбудили и ополчили его противъ своего достойнѣйшаго воспитателя. Присоединимъ сюда крайнюю запоздалость воспитанія, неизмѣримую несоразмѣрность въ положеніи воспитателя, смиреннаго пастыря, и воспитанника, вѣнценоснаго юноши-мужа, который, всюду предпося съ собою идеальное сознаніе царственнаго достоинства, рѣдко сознавалъ себя питомцемъ, хотя самъ избралъ себѣ скромную такую роль, и который горькія

*) Отв. Іоан. кн. Курб., стр. 189.

впечатлѣнія воспитательныхъ поправокъ не рѣдко принималъ за оскорбленіе царственнаго величія. Тутъ двойное недовольство и озлобленіе; во-первыхъ, ненависть своенравнаго, неисправимаго питомца противъ воспитателя, постоянно будящаго, нудящаго и кажущагося ему отравителемъ его спокойствія, во-вторыхъ, ненависть подозрительнаго властолюбца, которому обычный тонъ ментора и руководителя кажется затаеннымъ посягательствомъ на умаленіе верховной власти. Вотъ почему онъ воображаетъ себя въ полной неволѣ и думаетъ, что его оскорбляютъ на каждомъ шагу, держатъ какъ младенца, нравственно мучатъ, терзаютъ.

Вслушаемся въ обвиненія и жалобы самого Іоанна, насколько онѣ стоятъ того. „Отъ насъ тайкомъ совѣтуются, жалуется Іоаннъ, считая насъ слабоумными; введши въ синклитію князя Дмитрія Курлятева, начали злой совѣтъ свой утверждать. Я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ. Измѣнникамъ нашимъ хорошо, а мы терпимъ притѣсненіе; измѣнника князя Семена Ростовскаго, нами милостиво наказаннаго, начали держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ“ *). Съ обвиненіями этими разобраться очень не трудно. Обвиненія на счетъ тайныхъ и злыхъ совѣтовъ, стѣсненія личнаго мнѣнія опровергаются всѣмъ образомъ дѣйствій и характеромъ Сильвестра, предоставлявшаго каждому полную свободу высказаться, добивавшагося отъ каждаго мнѣнія и совѣта, но, разумѣется, пользовавшагося ими въ своихъ видахъ и соображеніяхъ. Напраслина этого рода обвиненій обличается характеромъ Іоанна, всю жизнь мучившагося напрасными подозрѣніями, будто постоянно посягаютъ на его верховныя права, ни во что ставятъ его превыспренній умъ. Самое обыкновенное дѣло благотворительности, оказываемое Сильвестромъ и духовнымъ соборомъ опальному вельможѣ, князю Семену Ростовскому, кажется Іоанновой подозрительности слѣдствіемъ партизанской политической стачки. Но что Сильвестръ далекъ былъ отъ всякихъ политическихъ сдѣлокъ съ призрѣннымъ имъ вельможею, видно уже изъ того, что онъ не ходатайствовалъ даже о помилованіи преступника. (Извѣстно, что князь Семенъ Ростовскій за непригожія рѣчи про государя предъ иноземными послами и за намѣреніе свое бѣжать въ Литву приговоренъ былъ къ смертной казни, но митрополитъ со владыками и архимандритами отпросили его отъ казни и онъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму). Мы не безъ

*) Отв. Іоан. кн. Курбск., стр. 188—191.

цѣли упомянули объ этомъ фактѣ, потому что это единственное обвиненіе обоснованное на фактѣ. Во всѣхъ же прочихъ обвиненіяхъ Іоаннъ отдѣлывается одними общими, неопредѣленными выраженіями: въ „широко-вѣщательномъ и много-шумящемъ“ своемъ посланіи, переполненномъ отступленіями и эпизодами, на самый важный пунктъ—на обвиненіе его въ гоненіи на „неповинныхъ мучениковъ“ онъ не представляетъ никакихъ фактическихъ опроверженій, никакихъ явныхъ уликъ на Сильвестра: ясное дѣло, что не откуда было ихъ взять. Какъ неосновательны были представленныя улики, судить можно потому, что самыя лучшія и благонамѣренныя дѣла Сильвестра: замѣщеніе должностныхъ мѣстъ новыми благонадежными и несомнѣнно полезными людьми, раздача имъ помѣстьевъ, ограниченіе мѣстничества—все истолковано въ черномъ, подозрительномъ смыслѣ.

Не основательнѣе ли будетъ обвиненіе, будто бы Сильвестръ „восхитившись духовною властію, началъ совокупляться въ дружбу съ мірскими“, т. е. будто бы вокругъ царя, проникнутаго идеею единой нераздѣльной самодержавной Россіи, онъ хотѣлъ собрать партію бояръ, стоявшихъ за древнюю удѣльную дружинную Россію? Въ краткомъ опроверженіи достаточно показать, что обвиненіе это не имѣетъ за себя ни историческаго, ни логическаго основанія. Исторія осудила удѣльный порядокъ на невозвратную гибель. Лишь въ семействѣ царя за двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ оставался удѣлъ, но и это былъ безсильный остатокъ разрушеннаго прошлаго, засохшая вѣтвь подрубленнаго дерева. Что до бояръ, то въ малолѣтство Іоанна было самое удобное время для всевластныхъ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ возстановить древнія удѣльныя права; но попытокъ въ этомъ родѣ рѣшительно не видно. Напрасно стали бы объяснять это единственно недостаткомъ корпоративнаго духа между боярствомъ: теперь, въ эпоху Сильвестра и Адашева, когда столько разнородныхъ притоковъ прилило, когда множество крещеныхъ татарскихъ князей увеличило и разрознило боярскіе русскіе роды, когда столько поповичей и личностей изъ массы народной выдвинулось на верхъ и множество незнатныхъ дворянскихъ дѣтей уравнено съ потомками князей,—корпоративнаго духа еще менѣе стало въ боярствѣ, и, стало быть, удѣльныя притязанія его тѣмъ менѣе могли быть опасны: вся Русская земля была противъ всякаго искусственнаго дробленія ея на удѣлы. Возможно ли (логически), чтобы человѣкъ такого ума, какъ Сильвестръ, стоялъ за такой порядокъ вещей, который отжилъ свой вѣкъ, противъ котораго вся исторія народа и общественное сознаніе? Пусть нѣкоторые бояре и князья обнаруживали попытки къ

возстановленію своего стараго любимаго порядка, но человѣкъ, предъ нравственнымъ авторитетомъ котораго все преклонялось въ государствѣ, всѣми распоряжавшійся и заправлявшій, могъ ли быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ? И что за расчетъ былъ стоять за удѣлы? Священникъ не могъ же сѣсть на удѣлъ. Корыстная какая-либо сдѣлка съ искателями удѣловъ противна честному, безкорыстному его характеру, о ней не смѣетъ запикнуться ни одинъ его обвинитель. Для властолюбія, если бъ оно и было въ немъ, удѣлы также была не находка, потому что теперь онъ имѣлъ власть надъ царемъ и всѣмъ царствомъ; съ раздѣленіемъ же Руси на удѣлы его власть простиралась бы на одинъ, два удѣла, а отнюдь не на всю Россію. Не думая окружать царя старою удѣльною партіею, Сильвестръ стремился къ тому, чтобы предъ царскимъ тропомъ стояла лишь идея дружины или совѣта боярскаго скромная, отвлеченная, молчаливая, стремился потому, что изъ собственнаго опыта видѣлъ несомнѣнныя доказательства важности и благотворности совѣта. Но совѣтъ, какой онъ хотѣлъ собрать вокругъ царя, въ его мысляхъ „не долженъ былъ держать подъ собою всю землю Русскую" и предписывать законы самому царю; замышлять конституцію для царя значило стѣснить и собственную власть, — въ конституціонной какой-либо палатѣ о. Сильвестръ не могъ же предсѣдательствовать! Быть орудіемъ чужихъ замысловъ и эгоистическихъ интересовъ опять не въ его умѣ и характерѣ. Собираемый около царя совѣтъ, подобно какъ и земскій соборъ, имѣлъ одну силу мнѣнія. Историческую необходимость идеи самодержавія онъ понималъ вполнѣ и раскрывалъ ее во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, стараясь глубоко запечатлѣть ее въ сознаніи народа *).

Самое тяжкое обвиненіе, обрушившееся на Сильвестра, будто онъ хотѣлъ возвести, на престолъ царскаго брата Владиміра, а Іоанна съ дѣтьми извести, перепутывается недоразумѣніями и ложью. Единственный поводъ къ обвиненію въ злодѣйскомъ этомъ намѣреніи могло дать поведеніе Сильвестра во время болѣзни Іоанна въ 1563 году. Извѣстныя обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь, въ существѣ и цѣляхъ своихъ остаются очень малоизвѣстными. Чрезвычайно трудно

*) Въ этомъ отношеніи важно 2-е посланіе къ Шуйскому-Горбатову, гдѣ Іоаннъ восхваляется, какъ царь превознесенный Богомъ, предержавный, предъ которымъ нельзя помыслить никакого супротивнаго помысла. Въ искренность выраженныхъ здѣсь чувствъ тѣмъ охотнѣе можно вѣрить, что это была частная, интимная переписка, которая велась безъ всякихъ расчетовъ на то, чтобы она приняла огласку и дошла до слуха царя.

рѣшить, кто именно и до какой степени готовы были дѣйствительно лишить престолонаслѣдія сына Іоаннова Димитрія. Цѣлый день неохотно тянулась присяга Дмитрію, можетъ быть, потому, что искали средствъ устроить дѣло такъ, чтобы въ случаѣ смерти Іоанна не дать господства его шурьямъ. Но допустимъ, что въ день присяги Владиміръ раздавалъ деньги дѣтямъ боярскимъ, что изъ присягнувшихъ Димитрію князь Палецкій обѣщалъ не препятствовать восшествію Владиміра на престолъ подъ тѣмъ условіемъ, если его (Палецкаго) зятю, царскому брату Юрію, дадутъ удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи в. к. Василія Іоанновича, допустимъ, что и другіе бояре начали выторговывать для себя какія-либо условія съ Владиміромъ, но развѣ Сильвестръ долженъ отвѣчать за всѣ козни ихъ! И могъ ли онъ за день разузнать объ этихъ подпольныхъ сдѣлкахъ, когда онъ безотлучно цѣлый день долженъ былъ находиться при постели умиравшаго царственнаго друга, укрощать крикъ и вопли бояръ, раздававшіеся надъ постелью больнаго, и наконецъ не опускать государственныхъ дѣлъ неотложной необходимости? Скромный, безмолвный, убитый горемъ Сильвестръ обмолвился однимъ словомъ, обращеннымъ къ раскричавшимся боярамъ: „зачѣмъ вы не пускаете къ государю князя Владиміра,—онъ государю добра хочетъ“. Вотъ и все, что даетъ поводъ къ обвиненіямъ! Но слѣдуетъ ли отсюда выводить предательскіе замыслы противъ царя и его дѣтей? По обычной своей склонности всѣмъ упоровить Сильвестръ хотѣлъ помирить Владиміра съ братомъ и боярами, укротить крикъ и споры у постели больного. А, можетъ быть, на случай воцаренія юнаго Димитрія онъ готовилъ во Владимірѣ опекуна болѣе достойнаго, чѣмъ Захарьины. Какъ бы то ни было, но если кому, то особенно Сильвестру, который столько лѣтъ и съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ потрудился надъ управленіемъ царства, больно было передавать управленіе въ недостойныя руки. Не нужно опускать изъ виду того, что его никто не обвинилъ въ медленной или неохотной присягѣ. Подозрѣніе явилось много позже.

Итакъ, изъ разбора обвиненій, возводимыхъ Іоанномъ на Сильвестра, и изъ оцѣнки личныхъ отношеній къ нему Сильвестра за послѣднимъ не открывается никакой истинной вины къ разрыву дружбы; всему виною властолюбіе, своенравіе и злость Іоанна. Подобныя личности не надолго привязываются къ тѣмъ людямъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще не любятъ послѣднихъ. Они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію; когда же какой-либо случай открываетъ имъ глаза, и они увидятъ, что ихъ держатъ въ уздѣ, почуютъ унизительность сво-

его положенія, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляютъ ими, и это — не та ненависть, которая въ бурныхъ мимолетныхъ вспышкахъ проявляется въ воспитательныхъ отношеніяхъ, но ненависть глубокозатаенная, мстительная, свойственная одному непомѣрному своенравію и властолюбію. При всемъ внутреннемъ отвращеніи къ вліяющимъ на нихъ людямъ, личности эти, по свойственной ихъ нервнымъ натурамъ слабости воли, съ которою всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость, не сразу освобождаются отъ ненавистныхъ имъ людей, но когда помогаетъ имъ иное вліяніе, когда открывается рядъ новыхъ случаевъ, подливающихъ по пословицѣ масла въ огонь. — Описанное приключеніе во время болѣзни Іоанна было первымъ случаемъ, который далъ ему почувствовать тягость своей зависимости и возбудилъ подозрѣнія властолюбія: не оттого ли смуты и недоброхотство ко мнѣ со стороны самыхъ близкихъ людей, думалъ онъ самъ себѣ, что я не наложилъ на нихъ крѣпкой руки своей? Подумалъ да и забылъ почти о подозрительномъ приключеніи; (тяготившихъ его лицъ долго еще не удалялъ). Нужно было, чтобы въ воображеніи его раздули это событіе тѣ люди, для которыхъ оно было оппозиціею; нужно было нѣсколько новыхъ случаевъ, которые бы съ помощію ихъ вліянія развивали въ немъ сознаніе крайняго своего униженія и усилили въ немъ желаніе освободиться. Вотъ эти случаи. По выздоровленіи своемъ царь первымъ долгомъ поѣхалъ по монастырямъ, заѣхалъ въ Троицкую Лавру, навѣстилъ жившаго здѣсь преподобнаго Максима Грека. Въ откровенной бесѣдѣ Максимъ не одобрилъ безконечно длиннаго странствованія царя по монастырямъ, посовѣтовавъ ему угождать Вездѣсущему на престолѣ и позаботиться объ устройствѣ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ казанскаго разоренія, и въ случаѣ неповиненія царя доброму совѣту предрекъ смерть маленькаго сына его Димитрія. Такъ какъ Максима очень любили и уважали Сильвестръ съ Адашевымъ, то недоброхоты воспользовались этимъ, чтобы нашептать царю, что устами Максима говоритъ тонкая интрига Сильвестра и Адашева, желающая отклонить его отъ путешествія въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ не наткнулся на ненавистныхъ имъ лицъ, и что зловѣщее предсказаніе Максима не больше, какъ хитрая угроза. Съ новою злобою къ мнимымъ интриганамъ, не дающимъ ему и проѣхаться, царь поѣхалъ далѣе. Въ Пѣспошскомъ монастырѣ Іоаннъ встрѣтился съ бывшимъ епископомъ коломенскимъ Вассіаномъ. Одинъ изъ тѣхъ человѣкоугодниковъ, которые умѣютъ льстить сильнымъ міра, Вассіанъ посовѣтовалъ царю: „не держи вокругъ себя совѣтниковъ, которые мудрѣе тебя; ты всѣхъ лучше; если такъ будешь поступать,

то твердъ будешь на царствѣ, и все у тебя будетъ въ рукахъ". Совѣтъ попалъ въ самое сердце. Іоаннъ приложился къ рукѣ Вассіана: „отецъ родной не могъ дать лучшаго совѣта", высказался Іоаннъ. Но каковы жъ должны быть въ глазахъ его тѣ, противъ которыхъ направленъ былъ совѣтъ? Враги, предатели, которые подкапываются подъ расшатывающійся престолъ... Царю все тяжелѣе и тяжелѣе становилась его зависимость. Онъ не замедлилъ бы отогнать ненавистныхъ людей. Но вотъ исполнилось грозное предреченіе Максима: малютка Димитрій умеръ. Разумѣется, это должно было сильно поразить Іоанна и снова подчинить его опекунамъ, хотя онъ не переставалъ тяготиться ими. Странно! нынѣшніе ненавистники Сильвестра, чрезчуръ либеральные писатели, подобно старымъ его врагамъ считаютъ преподобнаго Максима человѣкомъ Сильвестровой партіи, говорившимъ и дѣйствовавшимъ по ея хитрымъ подсказкамъ. Но что сдѣлаютъ они съ пророчествомъ? Они недовѣрчивѣе и подозрительнѣе царственнаго гонителя, который такъ сильно пораженъ былъ чуднымъ исполненіемъ пророчества и надолго притихъ въ своей злобѣ и гоненіяхъ противъ неповинныхъ людей. Между тѣмъ судьба, запутывавшая отношенія между ними, захотѣла завязать новые нераспутанные узлы. Поднялась несчастная Ливонская война: между Іоанномъ и Сильвестромъ открылась настоящая война. Сильвестръ жалѣлъ о разореніи Ливоніи, грозилъ царю карою Божіею за неистовства и варварства, совершаемыя его воинами въ несчастномъ краѣ. Случалось ли захворать царю, царицѣ или ихъ дѣтямъ, случалась ли какая-либо неудача въ войнѣ, Сильвестръ говорилъ, что это Богъ наказываетъ его за Ливонію. Мужъ строгаго благочестія, исповѣдывавшій во всѣхъ приключеніяхъ жизни пути Провидѣнія, говорилъ отъ чистаго сердца, но голосъ правды и искренности и рознь въ убѣжденіяхъ, касавшихся такихъ животрепещущихъ интересовъ, должны были еще болѣе раздражить человѣка непомѣрнаго своеправія и самомнѣнія. А тутъ еще келейныя эти правоученія и пререканія точно вѣтромъ какимъ разносились въ народѣ и войскѣ, и дурно отражались на полководцахъ и воинахъ: „ну, если бы не это злодѣйское претыканіе, то бы, Божіею помощію, едва ли не вся Германія была за православіемъ", говорилъ онъ въ своемъ простодушномъ высокомѣріи, повторяя, кажется, то, что ему нашептывали враги Сильвестра. Чтобы глубже вкрасться въ сердце Іоанна и вытѣснить оттуда прежнихъ друзей, враги ихъ избрали орудіемъ слабое и дражайшее его существо, царицу Анастасію. Неизвѣстно, за что она не ладила съ друзьями Сильвестра; извѣстно только, что послѣдніе уподобляли ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ и между про-

чимъ Евдокіи, преслѣдовавшей Златоуста, а Сильвестра сравнивали съ Златоустомъ. Съ нею и ея шурьями дѣйствовали на царя и многіе другіе, которые не терпѣли Сильвестра за его проницательность, за то, что онъ мѣшалъ имъ брать посулы, извращать правосудіе и умножать злыми способами свои пожитки. Злой совѣтъ ихъ, вѣроятно, тотъ, который впослѣдствіи приводилъ самъ царь въ оправданіе своихъ поступковъ *), усилилъ то, что было на душѣ его. Въ довершеніе всего они заронили царю мысль, что Сильвестръ чародѣй и силою волшебства опуталъ и держитъ его въ неволѣ. Такой путь скорѣе всего могъ поколебать душу суевѣрнаго Іоанна. Онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что тотъ старается во всемъ обманывать его. Кто вникалъ въ душу, тотъ можетъ понять, что всевозможныя оскорбленія прощаются легче, чѣмъ обманъ, потомучто обманщикъ очевидно разсчитываетъ на слабоуміе обманываемаго, хочетъ вырвать изъ него что-либо выгодное для себя и въ лучшемъ случаѣ потѣшиться, поругаться надъ жертвою; такія покушенія просто бѣсятъ чувствительную, чуткую душу, потомучто оскорбляютъ чувство чести, достоинство личности, ни во что ставятъ вашъ умъ, эксплуатируютъ, выжимаютъ по каплѣ ваши кровавые соки. Чего и чего не передумалъ и не перечувствовалъ теперь Іоаннъ, когда сталъ смотрѣть на Сильвестра какъ на чародѣя и обманщика? Положеніе несчастнаго становилось невыносимымъ. Когда Адашевъ сосланъ былъ въ почетную ссылку (въ 1559 г.), Сильвестръ поспѣшилъ удалиться въ монастырь на Бѣлоозеро. Но вотъ случилось новое роковое обстоятельство: въ іюлѣ 1560 г. умерла Анастасія Романовна. Понятно, что съ потерею любимой особы стали царю ненавистнѣе тѣ, которые не любили ее при жизни, или вѣрнѣе, которыхъ она не любила. Этимъ воспользовались враги и начали увѣрять его, что царицу извели лихіе люди своими чарами—Сильвестръ съ Адашевымъ. Оклеветанные просили суда надъ собою и дозволенія прибыть въ Москву для оправданія. Но враги не допустили этого: „если ты, царь, говорили они, допустишь ихъ къ себѣ на глаза, то они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того народъ и войско ихъ любятъ, взбунтуются противъ тебя и насъ побьютъ камнями. Хотя бы этого и не случилось, опять обойдутъ тебя и возьмутъ въ неволю. И мало ли они держали тебя въ оковахъ! Если бы не было ихъ при тебѣ, при такомъ славномъ, мудромъ и храбромъ государѣ, ты бы почти всею вселенною обладалъ. Безъ нихъ ты совсѣмъ иной; у тебя открылись глаза;

*) Отв. Іоанна Курбск., стр. 172—3.

ты истинно пришелъ въ свой разумъ; ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь" *).

Вотъ съ какою постепенностію враги Сильвестра довели Іоанна до того, что онъ наконецъ сбросилъ съ себя нравственную опеку. Они затрогивали самыя слабыя струнки въ его характерѣ, самые раздражительные нервы въ его сердцѣ. Пререканіями по поводу войны Ливонской и суевѣріями царя они пользовались для того, чтобы раздразнить его властолюбіе, дать ему сильнѣе почувствовать тяжесть того положенія, которымъ онъ давно возмущался. Не говоримъ уже объ (указанныхъ нами) прямыхъ набѣгахъ ихъ на это слабое и больное мѣсто; не говоримъ о томъ, какъ они распаляли его злость чрезъ семейныя непріятности. Зачѣмъ нужно было вести столь долгую атаку, чтобы вооружить всесильнаго царя на безоружнаго Сильвестра? Отчего Іоаннъ думалъ цѣлыя 8 лѣтъ, чтобы раздѣлаться съ ненавистнымъ опекуномъ, и почему окончательный разрывъ сдѣланъ было именно въ это, а не въ другое время? — Люди такого склада, какъ Іоаннъ, сколько пылкіе и своенравные, столько же трусливые и малодушные, въ началѣ всякаго предпріятія, пока не увѣрены въ удачѣ, бываютъ очень робки и боязливы. Іоаннъ, у котораго такъ живо было впечатлѣніе московскаго пожара и бунта, когда народъ, не церемонившись съ его (царскою) родпею, готовъ былъ идти на него самого, не былъ еще увѣренъ, что и съ нимъ не сдѣлаютъ чего-либо подобнаго, если онъ пойдетъ разомъ съ одного натиска противъ опекуна, изъ-за котораго, по сознанію самихъ враговъ, народъ готовъ былъ побить камнями ихъ и царя. При томъ Сильвестръ внушалъ ему суевѣрную боязнь, имѣлъ многочисленныхъ почитателей между боярами; тронуть его одного значило тронуть всѣхъ, а опереться было не на кого. Нужно было увѣриться въ своей безопасности, чтобы можно было дать злобѣ полную волю. И вотъ, когда успѣхи Ливонской войны, падающіе преимущественно на 1560-й годъ, польстили ему настолько, что онъ могъ выставить за себя предъ судъ народа славную репутацію побѣдителя, когда завербовалъ въ свою партію не только прежнихъ единомышленниковъ, своихъ шурьевъ, но и многихъ бояръ и духовныхъ сановниковъ, которые изъ своекорыстныхъ видовъ готовы были проповѣдывать всякаго рода деспотизмъ, и когда наконецъ опасный человѣкъ, котораго онъ не зналъ какъ выжить, добровольно удалился отъ него, тогда только онъ рѣшился на окончательный раз-

*) Истор. Іоан., стр. 79.

рывъ съ нимъ. (А что дѣло шло къ окончательному преднамѣренному разрыву, видно уже изъ того, что Іоаннъ, несмотря ни на какія его просьбы, не допускаетъ его къ себѣ на глаза, не дастъ открытаго съ глазу на глазъ суда съ обвинителями). За то, чѣмъ долѣе боязнь заставляла его сдерживать свою страсть—месть, тѣмъ сильнѣе прорывается и вымещается эта страсть тогда, когда онъ освободился отъ страха, когда почуялъ свою силу и безопасность. Всѣ дикія, свирѣпыя побужденія, чѣмъ долѣе были сдерживаемы, тѣмъ сильнѣе должны были раскрыться при теперешнемъ удобномъ случаѣ. Извѣстно, что воздержаніе развлеченія угашаетъ тихія страсти, а сильныя еще болѣе воспламеняетъ, подобно тому какъ вѣтеръ погашаетъ свѣчу и воспламеняетъ пламя. Психологическая причина здѣсь та, что внутреннее неизгладимое зло, чѣмъ болѣе было подавляемо, тѣмъ болѣе становилось упруже, а тутъ еще въ теченіе столькихъ лѣтъ внѣшнія благопріятныя условія раздували пламя. Равнымъ образомъ нравственные узы, разъ порвавшіеся и въ теченіе столь долгаго времени (съ 1553—60 г.) постоянно натягиваемые, надвиваемые, должны были порваться совершенно. Наконецъ, когда съ отверженіемъ нравственной узды стыда значеніе царя слилось въ сознаніи Іоанна съ понятіемъ произвола, сдѣлавшагося его идеаломъ, цѣлью всѣхъ помысловъ и дѣйствій, тогда этотъ произволъ превратился въ полное отсутствіе воли, ибо необузданная (стыдомъ) воля и отсутствіе воли—одно и то же. И этотъ безграничный произволъ обрушивается, вымещается первоначально на тѣхъ, кто такъ долго сдерживалъ, связывалъ его, и, избавившись отъ нихъ, онъ не знаетъ ни числа, ни мѣры своимъ прихотямъ и страстямъ. Тутъ оправдывается знаменательное изреченіе Сенеки о Неронѣ: „звѣрь, сколько ни ласкай, ни сдерживай его, все жаждетъ крови“. Лучшіе наши историки находятъ поразительное сходство между Іоанномъ и Неропомъ; самые сдержанные въ отзывахъ (С. М. Соловьевъ) называютъ Іоанна человѣкомъ плоти и крови, львенкомъ (отзывъ М. П. Погодина о молодомъ Іоаннѣ). Мы не сдѣлаемъ преувеличенія, если, склоняясь къ послѣднимъ взглядамъ, скажемъ, что звѣрскія привычки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ и по освобожденіи отъ пѣстунства до конца жизни самымъ ужаснымъ образомъ обнаруживавшія себя, на днѣ души оставались и въ это доброе время, когда онѣ повидимому совершенно затихли, и ждали только случаевъ для своего раскрытія. Такъ, по взятіи Казани, когда „молодой львенокъ“ почуялъ свою силу и вырвался на минуту изъ рукъ пѣстуна, уже обнаруживаетъ свою ярость: вмѣсто благодарности храбрымъ воеводамъ онъ шлетъ имъ укоризны, брань. Надменный успѣхами въ Ливонской войнѣ, онъ позволяетъ и

другимъ всевозможныя варварства и самъ лютою смертію казнитъ за одно противорѣчивое слово плѣнника Филиппа Ландсмаршала. Наконецъ, когда сторонніе вліянія и случаи распалили звѣрскія привычки и, когда осмотрѣвшись кругомъ и заручившись надежною партіею, онъ увѣрился, что смѣло можно производить нападенія, онъ бросается на самаго близкаго человѣка, кусаетъ руку, столько лѣтъ ласкавшую и водившую его за собою, кусаетъ, что называется изъ-подъ тишка, изрѣдка, но тѣмъ больнѣе и язвительнѣе, такъ что несчастный спасается отъ дальнѣйшимъ угрызеній добровольнымъ бѣгствомъ. Звѣрь, растерзавшій многихъ въ своей свирѣпости, не чувствуетъ угрызенія совѣсти, но Іоаннъ былъ человѣкъ дошедшій до звѣрства и не сдѣлался чудовищемъ зла, вторымъ Нерономъ, подъ какимъ бы то ни было вліяніемъ христіанской православной религіи, благочестія, набожности. Какъ ни бушевали въ немъ страсти, какъ ни опустошали онѣ души его, но ихъ еще сдерживала религія, и надъ мрачною бездною все еще свѣтился лучъ природнаго ума, предносились нравственныя понятія, требовавшія оправданія его по крайней мѣрѣ предъ судомъ общественнаго мнѣнія. И вотъ онъ назначаетъ судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ, но это лишь для того, чтобы отвесть глаза народу, чтобы беззаконію придать видъ закона, произволу—форму суда, потому что на судѣ говорила одна обвинительная власть, не могшая, однако, представить никакихъ уликъ, а обвиняемой сторонѣ не дали слова, не дозволили и явиться на судъ. На заявленія митрополита, что нельзя же судить людей заочно, что слѣдуетъ выслушать ихъ оправданія, судьи вопили: „нельзя допускать видимыхъ злодѣевъ и чародѣевъ; они околдуютъ царя и насъ погубятъ“. Понятно что эти судьи были личные враги, завистники Сильвестра, или же угодники власти, выказавшіе себя противниками павшаго любимца потому, что это угодно было царю. А можетъ быть эта пародія суда была придумана въ расчетахъ злобы и коварства, которыя, мучась славою отшельническихъ подвиговъ страдальца на Бѣлоозерѣ, хотѣли заточить его куда-либо подальше. И вотъ царственный другъ и совѣтникъ, всевластный повелитель и вдохновитель царства, послѣ того блеска и славы, какія окружали его при дворѣ, забрасывается судомъ на льдяной островъ далекаго сѣвера, въ глушь дикой Лопи, гдѣ въ суровой одеждѣ инока среди тяжелыхъ аскетическихъ подвиговъ стремится къ высшему званію, къ неземнымъ почестямъ.

Печальный конецъ участи Сильвестра былъ достойнымъ завершеніемъ славной политической его дѣятельности. Онъ былъ жертвою тѣмъ высокимъ идеямъ, которымъ была посвящена вся его жизнь и

дѣятельность. Его нужно было ожидать, судя по всему ходу великой этой дѣятельности. Неизвѣстный пришлецъ, безъ рода, безъ заслугъ, сила нравственная для толпы недовѣдомая, сразу становится на недосягаемую высоту, затмеваетъ собою всѣхъ вельможъ, покоряетъ себѣ все, что было мыслящаго, доблестнаго, славнаго родомъ и разумомъ, всѣмъ и всѣми распоряжается на царствѣ. Съ помощію лучшихъ силъ, выбранныхъ изъ народа, пересоздаетъ весь государственный строй, обновляетъ церковь и общество посредствомъ новыхъ законовъ, перестраиваетъ семью по своему Домострою повидимому тихо, незамѣтно, вкрадчиво; новыя учрежденія отличаются удивительною прочностію и долговѣчностію: церковь и отчасти государство жило ими болѣе столѣтія; семья въ теченіе вѣковъ устраивалась по образцу Домостроя. Но, при всей своей зиждущей и благоустроящей силѣ, перевороты во всѣхъ учрежденіяхъ, переломъ во всемъ государственномъ организмѣ, перемѣны переустройства во всѣхъ соприкосновенныхъ сферахъ: въ мирной семьѣ, въ замкнутомъ обществѣ, въ обветшаломъ церковномъ устройствѣ не могли совершиться безъ всеобщихъ потрясеній, безъ бурь и волненій. А тихая, глубоко обдуманная и неустанная борьба противъ царившаго всюду произвола и насилія, противъ всего низкаго, корыстнаго, пошлаго и безнравственнаго? Людская злоба и зависть никакъ не могли простить ему безпримѣрнаго возвышенія, узкій своекорыстный эгоизмъ вооружился за свои темные интересы, слѣпая косность, нелюбовь въ новшествамъ воюетъ за свою неподвижность. И всѣ эти темныя враждебныя силы ополчаются противъ одной великой честной силы. Но эта сила непредубѣжденному общественному сознанію казалась неземною, чудотворящею; потомъ, когда страсть и невѣжество не взлюбили ея, она обозвана чародѣйскою, вражескою. Чтобы сломить опасную могущественную эту силу, всѣ враждебныя силы вооружаютъ противъ нея того, чьимъ именемъ она творила чудеса и къ кому судьба приставила ее въ генія — ангела-хранителя. Зная, что человѣкъ, ввѣренный попеченію его, сдѣлался чудовищемъ зла не отъ природы и что, напротивъ, природа вложила въ него сильныя умственныя способности, геній ангелъ-хранитель его всѣ силы ума и сердца посвящаетъ на то, чтобы исправить, преобразить его и вмѣстѣ съ нимъ совершить рядъ блистательныхъ и благодѣтельныхъ дѣлъ, но темныя борющіяся силы силятся исхитить его изъ-подъ охраны, разжигаютъ въ немъ затихшія было звѣрскія и деспотическія склонности и натравляютъ его на того, кто былъ его вождемъ и спасителемъ. И что было бы съ несчастнымъ гонимымъ, если бы онъ за сотни миль не поспѣшилъ уйти отъ злобы враговъ? Навѣрно

то же, что и со всѣми приближенными къ царственному мучителю, которые всѣ замучены были самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, хотя противъ многихъ изъ нихъ мучитель не былъ разъяренъ другими. Вдали злоба, по крайней мѣрѣ, не растерзала, не разорвала его въ куски, но она гналась за нимъ и туда и загнала въ отдаленнѣйшій пустынный край. Сколько драматизма представляетъ личная судьба удивительнаго этого человѣка! Изъ великаго Новгорода въ первопрестольную Москву, изъ Москвы въ отдаленный монастырь, изъ монастыря на сѣверный островъ, или отъ алтаря къ трону, отъ трона въ келью, изъ кельи въ пустыню перебрасывала его испытующая судьба. Онъ исчезъ въ такой же безвѣстности для исторіи, какъ и появился на сцену славной политической дѣятельности. Исчезъ..., но свѣтлый, нравственный и политическій его образъ возстаетъ предъ нами все болѣе и болѣе въ яркой красѣ. Исчезъ, но его идеями и учрежденіями жила Россія болѣе вѣка и живетъ отчасти и теперь. Честь и слава Россіи за такихъ безсмертныхъ дѣятелей! Они свѣтятъ намъ изъ сумрака отдаленныхъ вѣковъ, изъ глубины нашей исторіи пророчатъ собою великую будущность Россіи.

Епископъ Сергій (Соколовъ).

2007059223